



ШКОЛЬНИК ВЕСТНИК

6+

5/2019



Учредители
журнала:

АО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор
Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова
В.И. Горбатов
В.З. Денискина
И.Н. Зарубина
О.В. Клековкина
Ю.И. Котов
В.В. Кулешов
Т.М. Морева
И.И. Семёнова
А.П. Торопцев
З.А. Шишкова

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|-------------------------------------|----|
| ОТ РЕДАКЦИИ | 1 |
| Валерий Попов. Тайна тёмной комнаты | 2 |
| Татьяна Корниенко. Последний шанс | 65 |
| Сергей Георгиев. Восемь котят | 84 |
| Наталья Карпова. Стихи | 95 |

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Вот и закончился ещё один учебный год. Много в нём было: открытия и потери, к примеру, ручек и грифелей; километры выученных параграфов и килограммы исписанных тетрадей; заслуженные похвалы и нагоняи (куда же без них?) и многое другое. Мы надеемся, что ваши головы немного потяжелели от накопленных за год знаний. Впрочем, впереди вас ждёт загорелое, необъятное лето для того, чтобы полностью опустошить их до 1 сентября.

Этот выпуск журнала «Школьный вестник» мы решили сделать не совсем обычным. Без традиционных рубрик, чтобы на один номер он стал таким же лёгким и беззаботным, как ягодное дыхание лета. Держите этот выпуск под рукой, не убирайте на дальнюю полку к учебникам. Обещаем, что он здорово скрасит самые знойные часы этих каникул.

Желаем сказочного лета, ярких впечатлений и до новых встреч на страницах журнала «Школьный вестник»!

ТАЙНА ТЁМНОЙ КОМНАТЫ

Как-то долго в тот год весна не наступала. Устал я! Нашло вдруг на меня какое-то безразличие ко всему. После школы делал уроки, потом ложился на диван и лежал. Однажды, это вечером в субботу было, лежал я, как всегда, на диване. Потом в комнату бабушка вошла. Радостная, оживлённая, наверно, с кем-нибудь из подружек своих весело поговорила.

— Всё так и лежишь? — спрашивает.

— Если тебя не устраивает так — могу на другой бок перевернуться.

— Так никуда и не сходил?

— А куда идти?

— Что ж ты — всё на свете уже повидал?

— Да в общем-то всё. На Севере был, на Юге был, в горах был, на море был. Все книги для внеклассного чтения прочёл. А что ещё?

— Что же, — спрашивает она, — теперь так и будешь всё время лежать?!

— Ну почему? Завтра в школу пойду. Окончу школу — работать буду. Потом умру.

— Неужто это всё?

— Ну, а что ещё? По-моему, все так и живут, и ничего другого, необычного, в жизни нет.

— Неужели нет?

— Конечно, нет! Всё уже изучено давно: атомы, планеты, необитаемые острова, подземные пещеры — всё! Вряд ли что-нибудь новое появится.

Вдруг звонок в дверь раздался.

— Может, это что-то новое? — Бабушка засмеялась.

Но оказалось — не слишком новое. Дружок мой Гага пришёл. Давно с ним, в общем-то, дружим, но последнее время я от него как-то уставать стал. Всё время появляются у него какие-то идеи, безумные планы — от многих его затей волосы могут дыбом встать.

— Как, — говорит, — уроки сделал? И что делаешь?

— Ты что, плохо видишь? Лежу.

— Ясно... Нет у тебя батарейки для круглого фонарика?

— Нет. Зачем она тебе? А ты что, опять что-нибудь задумал?

— Да так. Небольшая экспедиция. Тут поблизости.

— Ну, желаю успеха.

— Всего! — Гага говорит. — ...Может, больше не увидимся.

Тут от злости я даже с дивана привстал.

— Опять какую-то чушь придумал? Куда собрался? Ведь всё уже давно известно: атомы, необитаемые острова, подземные пещеры! Зачем дергаться зря, энергию расходовать!

— Думаешь, всё известно? — Гага спрашивает. — А что под нашим домом находится, знаешь?

— Под нашим домом? Разумеется! Кочегарка.

— И всё?

— Конечно, всё.

— И больше ни о чём не знаешь? Да. Небогато! — Гага говорит.

— А что, там ещё что-нибудь есть?

— Ну, неважно! Так значит, круглой батарейки у тебя нет?

Как всегда, в самый интересный момент тему переменял. Жуткая у него эта привычка — никогда не до-

говаривать до конца. Обрывать на самом интересном месте и уходить.

— А что же ещё, по-твоему, в подвале под нашим домом есть?

Посмотрел Гага на меня внимательно, словно решая, говорить или не говорить? Потом, не спеша, начал рассказывать:

— Недавно был я во втором дворе. Ну, где выход из кочегарки, ты знаешь... Испытывал там одну штуку. Ну, неважно, не в этом дело... Ну вот... И вдруг, открывается дверь из кочегарки и выходит оттуда...

— Кочегар!

— Да нет. — Гага досадливо поморщился. — В том-то и дело, что какой-то абсолютно незнакомый человек.

— Ну и что? Мало ли по какому делу мог он в кочегарку зайти?

Замолчал Гага.

— Это верно, конечно, — кротко говорит. — Но только странно как-то он себя вёл. Долго двор наш осматривал, дом... Такое впечатление было, что он впервые всё это увидел. Будто не входил он никогда в эту кочегарку, а только вышел!

— А где же он, по-твоему, вошёл? Откуда пришёл?

— Понятия не имею! — Гага с безразличным видом пожал плечами.

— То есть ты хочешь сказать... что из нашего подвала какой-то ход есть, который в какое-то другое место ведёт?

— Да, я знаю! Причём в какое-то такое место... где всё иначе! Где всё другое совсем, чем у нас. Видел бы ты, с каким удивлением он автомобиль рассматривал,

который у нас во втором дворе стоит. Ясно было, что ни разу ещё в жизни он автомобиля не видел!

— Да-а, — говорю. — Ты только сейчас это придумал?

Гага равнодушно плечом пожал: «Не хочешь — не верь.».

— Где же этот ход? — говорю. — Были мы в кочегарке много раз. И за мячом лазили, и так, вообще, и никакого хода оттуда нет.

— Я и сам случайно этот ход обнаружил, — небрежным тоном Гага говорит. — Там в углу кочегарки уголь навален, и под ним — ход. Однажды, когда уголь кончался, я оказался там случайно, гляжу — в стене тёмный провал. Но тут кочегар вернулся, меня заметил, и на следующий день новый уголь привезли. А лаз этот в стене снова засыпали.

— Так думаешь... кочегар что-то знает?

— Конечно. — устало Гага говорит. — Уж я-то его знаю — как-никак в квартире нашей живет. Специально, чтобы за ходом этим присматривать, в кочегарку и поступил. Разговаривает не так, как кочегары обычные говорят, уж я-то знаю. И ещё понял я — борода у него не настоящая! Вернее, может, и настоящая, но выращенная специально, чтобы лицо скрыть.

— Так ты думаешь, он кто?

— Этого я не знаю! Но что он к ходу этому отношение имеет — это ясно. Слышал — соседи на кухне говорили, что ему предлагали напарника взять, чтобы по очереди дежурить, а он отказался, сказал, что один справится. Понимаешь? Пойдём, может, посмотрим на него?

Я оделся во всё худшее: знал уже, что если с Гагой иду — значит, тяжёлые испытания предстоят! Спустились мы по лестнице во двор, подползли на коленях к

пролому в подвал, осторожно заглядывали по очереди, смотрели вниз: кочегар сидел на ватнике, с длинной бородой, освещаемый красными бликами из котла, держал на коленях тетрадь и что-то писал. Где это видано, чтобы кочегары в тетрадях писали что-нибудь, кроме: «Вахту сдал. Режим работы котла нормальный», — а этот минут двадцать, не отрываясь, писал! Потом вдруг словно почувствовал, что на него смотрят, решил временно обычного кочегара изобразить: встал, дверцу открыл, посмотрел, сморщившись от жары, на огонь, потом взял в углу совковую лопату, с дребезжаньем её в кучу угля вонзил, поднёс лопату с углём к топке, швырнул, снова вернулся к куче, вонзил... несколько раз эту операцию повторил, потом дверцу закрыл, снова сел, и начал писать.

— Ясно! — Гага говорит. — При нём в ход не войдёшь! Пришли мы к Гаге домой.

— Ну, ничего! — Гага говорит. — Знаю, когда мы можем туда проникнуть. Примерно с часу до двух он уходит обедать. В этот момент мы должны туда войти, успеть уголь разобрать, проникнуть в ход, снова его замаскировать, и на безопасное расстояние удалиться — чтобы он догнать нас не смог, если б вдруг догадался.

— Ясно... — говорю. — И на сколько, по-твоему, тянется этот ход?

— Не знаю, — Гага говорит. — Во всяком случае, нам ко всему надо быть готовыми. Одеться попроще, но потеплее. Обязательно длинную верёвку с собой взять. Фонарик у меня есть.

— Но куда же, ты думаешь, ведёт этот ход?

— Знали бы, зачем нужно было бы туда лезть? — Гага говорит.

— Что ж... логично! — говорю. — Когда?

— Я думаю, завтра, — спокойно Гага говорит. — В час он обедать уходит. Приблизительно около часа будь готов, я зайду.

Вернулся я домой. Вечером сидели с бабушкой за столом, пили чай. Я долго, помню, на неё смотрел — всё-таки очень хорошая она, бабушка! Рассказать, что ли, ей всё? Бабушка говорит:

— Что подлизываешься-то? Ну, говори уж, что натворил!

— Ещё не натворил, — со вздохом отвечаю. — Но, видимо, вскоре натворю.

— Ну, когда натворишь, тогда и ответ держать будешь, — бабушка говорит. — А раньше времени не стоит и грустить.

Удивительно легкомысленные взгляды у неё!

Лёг я спать, но почти не спал. Чуть засну — сразу вижу, что я в какой-то абсолютной темноте иду, ничего вокруг не видно, но страшно. Толчком каким-то проснусь, на кровати сяду, посижу — снова ложусь — и снова оказываюсь в абсолютной тьме. Встал утром часов в семь, начал собираться. Достал из сундука старые ботинки, в которых с классом осенью на уборку капусты ездили, нашёл старый лыжный костюм, уже в обтяжку, старую кепку достал, которой мы много раз в футбол играли. Верёвку взял.

— Что это ты так вырядился? — бабушка спрашивает.

— Так... — говорю, — что-то зябко.

Сел в прихожей на стул, с верёвкой через плечо, стал ждать. Наконец — звонок, появляется Гага, примерно в таком же оборванном виде, и тоже с верёвкой. Бабушка открыла ему, с удивлением на обоих нас посмотрела.

— ...В трубочисты, что ли, записались? — спрашивает.

— Что вы, Дарья Михайловна, — вежливо Гага говорит. — Так просто, небольшая экспедиция.

— Чтоб к пяти часам дома был! — бабушка говорит. И всё! И мы пошли.

Бабушка называется! Ведь ясно же, если верёвки, значит, с какой-то большой высоты предстоит нам спускаться! И упасть ничего не стоит, кости переломать. Но ей это, видимо, всё равно. «Чтоб к пяти часам дома был!» — и больше ни слова... Я даже обиделся. Вышли во двор, встали на корточки, осторожно посмотрели через пролом в подвал. Темно там было, видно, кочегар, уходя на обед, выключил свет. Втиснулись ногами вперёд в этот пролом, потом, повисев на руках, вниз спрыгнули — сначала Гага, после я. Долго летел, как мне показалось. Упал, наконец, на колени, на цементный пол, чуть верёвку свою не потерял, пошарил в темноте на полу — нашёл. Потом вдруг на полу тусклый рябой зайчик показался — это Гага фонарик включил. Прошёл зайчик по полу, потом быстро на стену вскочил, после круг описал — в большой круглый бок котла упёрся. Уже апрель был, котёл слабо топился, но всё равно, волны жара в темноте от него шли. Потом Гага свет фонаря в угол перевёл, где куча угля была, до самого потолка.

— Сюда, — отрывисто говорит.

Подошли к куче, положили фонарик, стоя на коленях, стали разгребать. Но только выроем в угле яму, тут же сверху гора обвалится, яму засыпет! Пот уже едкий льётся по лбу — а хода никакого не видно. Уголь поблёскивает в свете фонарика, шуршит, осыпаясь, и я уже чувствую — на зубах и в горле осадок! Тогда мы придумали: пошли вдоль стены, стали от неё куски перекладывать на дру-

гую сторону кучи и вдруг слышим — какой-то звук новый — видно, несколько кусков угля куда-то не туда скатилось, в какое-то другое пространство, за стеной. Потом Гага руку глубоко в уголь засунул, по самое ухо, лежал долго, с напряжённым лицом, шевелил где-то там пальцами.

— Есть! — напряжённо говорит. — Пустота!

Выдернул он руку, и стали мы уголь от этой стены откидывать, потом и моя рука в стену вошла, свободное пространство там оказалось. Пролезли туда: нормальный коридор! Цементный пол, стены, потолок — Гага всё это быстро фонариком обегал. Отряхнулись немного и вперёд по этому коридору пошли. Странный какой-то звук был от наших шагов. Во рту сухо после жары в кочегарке и угля, едкий пот кожу ест. Долго шли по коридору — зайчик от фонаря под ногами, чуть впереди, потом — прыжок зайчика вперёд — свет растворяется в темноте. «Будет, — думаю, — конец этому коридору или нет?» Потом чувствую вдруг: волосы на голове от чего-то зашевелились!

— Что это? — спрашиваю.

И чувствуем мы — прямо перед нами открылся какой-то большой тёмный объём. «Что это?» — совсем по-другому прозвучало, чем если бы я слова эти на секунду раньше, в глубине коридора сказал. А так стоим на краю чего-то, на краю какой-то тёмной бездны. Влево направили луч фонарика: растворяется в темноте, ничего не достигнув, вправо — тоже, впереди — ничего, и главное — под ногами тоже пустота!

— Надо что-нибудь бросить вниз, посмотреть, какая тут высота. — Гага гулко произнёс.

Стал я лихорадочно рыться в карманах, нашёл неожиданно двадцатикопеечную монету. Жалко, конечно, но вряд ли на неё что-то здесь удастся купить. Бросил. Секунду ждём... две... три... пять... десять секунд ждём! Никакого звука.

— Ну что ж, — слышу Гагин голос, — надо лезть!

Связали мы вместе наши верёвки двойным морским, один конец вокруг меня обмотали, другим Гага обвязался.

— Ну, всё, — говорит, — я нырнул.

Как трудно было его держать! Не знал я, что он таким тяжёлым окажется. Сначала, на краю обрыва лёжа, я ещё видел его внизу, светя фонариком, потом уже всё: свет фонарика внизу есть, но Гаги в нём нет! Потом уже и верёвка вся кончилась. Висит Гага где-то там, далеко внизу, и почему-то молчит.

— Ну что... есть что-нибудь? — не выдержав, кричу.

— Нет. Пока ничего. — Гагин голос доносится снизу.

«Ужас, — думаю, — как же я его теперь вверх буду тащить?»

— Ну что? — кричу.

— Надо прыгать! — доносится Гагин голос.

— Куда прыгать-то? — говорю. — Ты знаешь хоть, сколько тебе метров ещё лететь?

И чувствую вдруг — верёвка ослабла. Ну, всё!

Зажмурился! Думаю, сейчас шмякнется! Секунду зажмурившись лежал... две... пять! И снова ничего — полная тишина.

— Эй! — кричу. — Ты как?

Долгая тишина, потом вдруг:

— Нормально. — спокойный Гагин голос.

— Что там? — спрашиваю.

— Вода. В воде оказался.

— Глубоко?

— Да нет, не очень. Примерно по шейку, — спокойный Гагин голос раздаётся. — Ну, спускайся, дальше нужно идти! «Спускайся! — думаю. — Как же!»

— Ну ладно, — вдруг говорю, — сейчас спущусь.

Осветил фонариком стены, вижу вдруг сбоку — железный крюк вбит. Почему-то испугало это меня — значит, какие-то люди тут проходили? Привязал я к крюку верёвку, начал спускаться. Ладони об верёвку разгорячились, а самому холодно, весь дрожу. И представляю ещё, как в холодной воде окажусь! Вот кончилась верёвка, повисел я, ногами болтая, — и прыгнул. Долго, мне показалось, летел, фонарик кверху подняв, потом свет фонарика исчез — это я с головой в воду ушёл. Вынырнул, отфыркиваясь, встал. Посветил — действительно вода: с фонарика каплет, расходятся круги.

— Ну что? — где-то рядом Гагин голос. — Удачно?

Стал я быстро шарить по сторонам фонариком, гляжу: стоит, вытянувшись, у самой стены, но лицо спокойное.

— Ну, что дальше? — говорю я, ладонью лицо вытирая.

— Ясно, что, — Гага говорит, — дальше пойдём.

— Пойдём! — говорю. — А вдруг глубже дальше будет?

— Тогда поплывём, — спокойно Гага говорит. «Поплывём!» Но сколько придётся плыть — вот вопрос! Конечно, мне приходилось ночью плавать, но там хоть было известно, что где-то точно есть берег, а тут неизвестно, есть ли что-нибудь там, в темноте.

— Ну, я уже отдохнул, — Гага говорит. — Догоняй!

Взял у меня фонарик, с поднятым фонариком медленно вперёд пошёл, подняв над водой подбородок. Потрясающий всё-таки он человек! Отдохнул! Замечательные здесь условия для отдыха! И всё — снова обступили темнота и тишина. Только впереди, окружённая све-

том, тёмная Гагина голова удаляется. Сначала спокойно двигалась, потом вижу — как-то странно дёргаться стала!

— Ты что?! — кричу.

Тишина долгая, потом доносится оттуда:

— Нь мг грть!

— Почему?..

— Фнрк в рт!

— ...Ты что, пливёшь, что ли?

— ...Д.

— Сейчас! — говорю.

Бросился за ним, пошёл в воде, потом тоже поплыл. Догнал плывущего Гагу, посмотрел. Если бы он вдруг тут неожиданно мне навстречу попался — точно бы я от страха умер! Широко раскрытый рот — глаза от этого, как у ненормального — и изо рта яркий свет идёт!

Повернулся ко мне, кивнул. Дальше поплыли. Долго плыли. Иногда, незаметно для Гаги, ногу опускал — дна нет! И главное, какая-то страшная мысль подкрадывается: «Что это? Куда это мы так долго пливём?.. Неужели может быть такой большой подвал?!» И главное — время здесь совершенно не ощущается: то ли пять минут пливём, то ли час. Гага вдруг поворачивается ко мне:

— Н мг блш — взм фнрь!

Поплыл я к нему из последних сил, чтобы взять у него изо рта фонарь, вдруг боль почувствовал, коленом обо что-то твёрдое ударился. Быстро схватил руками: что-то железное, круглое, ребристое, вроде, люк, а вокруг по-прежнему глубоко. Встал я на этот люк — примерно по пояс из воды вылез. Гага ко мне подплыл, встал рядом, тяжело дыша. Вокруг — абсолютная тишина, только капли с нас падают, щёлкают, и больше ни звука. Стали смотреть по сторонам — тьма!

— Ну что... вперёд? — Гага говорит.

— Вперёд! — говорю.

Какое-то вдруг ликование меня охватило! Всё равно, думаю, — если даже утонем здесь — всё равно не испугались, плыли, сколько могли! Плюхнулся я в воду за Гагой, поплыл. Слезы текут по щекам, и одновременно — какое-то ликование. Плыву с фонариком во рту, и если бы не фонарик, наверно, стал бы кричать что-нибудь. Долго ещё так плыли. Луч фонарика болтается по сторонам, иногда вдруг голову Гаги осветит, иногда затеряется в темноте. Вдруг вижу — в луче фонарика чьи-то ноги! Лёг я на спину, поднял фонарик, стал светить. Вижу — Гага стоит над водой, на каком-то карнизе, рукой за стену держась. Протянул мне одну руку, я влез. Отдышался — потом только обернулся, во тьму посмотрел, которую мы преодолели... Да-а-а... А говорил ещё я совсем недавно, что ничего такого нет, что могло бы меня потрясти! Стали светить фонарём вверх: высоко уходит стена! А вот и потолок, смутно виднеется в слабом свете. Повёл я свет вдоль него и вижу вдруг — тёмный квадрат в стене. Провал! Коридор! Примерно на той высоте, с которой мы спустились сюда. Только не добраться туда никак!

А если обратно поплыть, вряд ли мы из воды до верёвки допрыгнем. Гага вдруг говорит:

— Хочешь конфетку?

— А у тебя разве есть? — Я удивился.

— Конечно! — Гага говорит.

Взял я у него карамельку липкую. Стали нарочно громко чавкать, чтобы тишину эту нарушить.

— Ну... отдохнул? — неожиданно Гага спрашивает.

— Отдохнул!

— Тогда — вперёд!

Пошёл Гага по карнизу, встал так, чтобы как раз под тем тёмным коридором оказаться, потом вдруг достал из кармана зубило, стал стену крошить. Мягкая штукатурка оказалась: быстро выбил дыру. Под штукатуркой оказались скрещенные тонкие рейки. Гага засунул под них зубило, покачал, они немного отошли от стены, что-то вроде ручки получилось. Потом Гага влез одной ногой мне на плечо, другой в выдолбленную дыру упёрся и стал другую дыру бить, на полметра выше первой и чуть в стороне — для другой ноги. Потом — я его придерживал, и он, уже обеими ногами в дырах стоя, третью дыру пробивал — для руки! И так и пошли дыры зигзагом вверх. В двух дырах упёрся ногами, в третьей держится рукой, а другой рукой долбит новую дыру, чуть выше. Потом передохнёт немножечко, перелезет выше и новое отверстие рубит!\. Гляжу — он уже на половине стены висит!

— Слезай, — говорю, — давай я немного подолблю.

— ...Спасибо, — после долгой паузы отвечает. — Я не устал!

Снова, вижу, зубило в другую руку перекладывает, в ровное место стены начинает бить. И вот совсем уже у чёрной дыры оказался, перелез туда наполовину, а ноги почему-то долго ещё сюда свисали, видно, не было уже сил залезть! Потом исчезли, наконец, ноги, появилась голова.

— Прошу! — Гулко с высоты Гага говорит. — Парадный трап подан.

Полез я, пальцами стараясь под скрещенные рейки подлезть, вцепиться, чтобы обратно не грохнуться. Рейки трещат, ломаются — еле успеваешь за следующую перехватиться. Главное — только стену перед собой

увидеть, ни назад не смотреть, ни вверх. Потом, чувствую, рука меня за шиворот схватила. Ввалился я в дыру, лёг.

— Я в центральной библиотеке был, — где-то рядом Гага говорит. — Все книги читал про наш город — даже старинные... Нигде про этот ход ничего не сказано. Ясно?

— Но кто-то, видимо, про него знает и в наши дни? — вежливо стараюсь поддержать разговор.

— Вряд ли! — Гага говорит. — Не думаю.

— А помнишь, ты говорил, какой-то странный человек этим ходом прошёл, в наш двор вышел?

— Помню. — Гага кивнул. — Ну что, отдохнул? Вперёд!

Встали мы на дрожащие ноги, пошли. Примерно такой же коридор, каким мы от кочегарки к тёмному залу пришли, но только запах в нём совершенно другой, холодом пахнет, запустением, пылью, чувствуется, давно здесь никого не было.

Но было такое чувство, что по нему мы куда-то выйти должны! И вдруг действительно, показался впереди маленький прямоугольник, по краям обведённый тонким светом. Дверь! Добежали до неё, подёргали — дребезжит, но не открывается! Разбежались оба сразу, ударили плечами и вывалились наружу. Сначала зажмурились от ярчайшего света, ничего не могли рассмотреть.

Потом глаза начали привыкать, смотрим: находимся мы у высокой кирпичной стены, старинного типа: высокая, отвесная, даже немного нависает над нами, и в этой стене маленькая дверца, из которой мы только что вывалились. Сидим мы на узенькой полоске земли, ивовые кусты вокруг растут, постепенно уходят в воду. Дальше — широкая полоса воды, за водой снова берег, заросший высокими кустами.

— Ну... вперёд! — Гага говорит.

Подожли мы к воде, видим: в ивовых зарослях плава-ет плот с четырьмя толстыми столбами по краям. Подо-шли ближе, увидели: это не плот, а перевернутый стол с толстыми круглыми ножками. Встали мы на стол, гре-бя палками, через пролив переплыли. Влезли с трудом в высокие густые кусты. Тень, сырость. Чёрный широ-кий пенёк, обсыпанный сиренью. Потом кончились, нако-нец, кусты, мы выбрались на поляну. Неподвижная сол-нечная тишина. Ржавая голая кровать стоит на краю. Подальше старый фундамент дома, пригорок с облом-ками кирпичей, заросший фиолетовыми цветами. Гага быстро пошёл дальше, в тот конец поляны, и вдруг с хрустом куда-то провалился. Подбежал я к нему, гляжу, часть поляны застеклена, стёкла в рамах, местами про-сто рамы, стёкла уже выбиты.

— Окна внутрь земли, понял? — почему-то торже-ствующе Гага говорит, выбираясь из проломленного им стекла.

— Да это не окна, — говорю ему, — это теплицы! Раньше, видно, в них овощи выращивали, а потом заб-росили почему-то.

— Так. Ясно! — выбираясь на незастеклённое место, Гага говорит.

Пошли дальше — снова в зарослях оказались. Лезли через заросли минут, наверно, сорок и снова потом на берегу оказались. Вода, заросшая деревьями, высокие деревья — за ними ничего больше не видно.

— Смотри! — шёпотом вдруг Гага мне говорит. По-смотрел я, куда он показывал, вижу: кошка!

Но очень странная — никогда раньше не видел я таких кошек: вся чёрная, а голова, начиная от шеи, ярко-бе-

лая! Стоит у воды: лапой трогает воду, тронет и быстро отдернет, тронет и быстро отдернет. Потом услышала нас, повернула свою белую голову, и так изумлённо застыла с поднятой лапой. Потом шаркнула быстро в кусты, всё — будто её и не было!

— Понял? — Гага многозначительно говорит.

— Что?

— Видел, как она себя вела?

— Как?

— Видел, как изумилась? Ясно, что человека здесь ни разу ещё не видела. В общем, ясно! — торжественно говорит.

— Что ясно-то?

— Что этот остров соединяется с остальной землёй только тем ходом, через который мы пришли, — больше никак! Раньше люди, может, и помнили этот ход, а теперь уже забыли, только мы теперь по нему можем пройти.

— Да как это может быть? — говорю. — В нашем веке?

— В нашем веке, — Гага говорит, — много ещё загадочного существует!

Хотел было я сказать ему, что он ошибается, но вижу — он кулаки сжал, лицо дрожит, бесполезно сейчас с ним спорить! Конечно, раз добрались сюда, с таким трудом, то ясное дело, открыли новую землю!

— А как же, — только сказал я, — ты говоришь, что люди этот ход забыли, а сам говорил, что видел, как человек из этого хода в наш двор выбрался?

— Ну и что? — Гага упрямо говорит. — Он отсюда ушёл, а мы — пришли!

— Ну и что теперь будем делать? — спрашиваю.

— Вернёмся, — Гага говорит, — возьмём всё необходимое и начнём освоение!

Что обратно пойдём — это я обрадовался. Только оказалось вдруг, что обратно Гага тем же путем хочет добираться. Страшно не хотелось мне в эту сырую чёрную дыру лезть, снова огромный тёмный зал переплывать — и так мы уже мокрые были, дрожали. Но с Гагой бесполезно спорить — уверен, что только тот путь сюда ведёт, поэтому и остров никому не известен! Хотел я было сказать ему, что наверняка до нашего дома отсюда поверху минут за десять можно добраться, но посмотрел на его лицо и молча, ни слова не говоря, первый в темноту пошёл.

Неохота рассказывать, как мы обратно через весь этот ужас пробирались, только скажу, что ещё тяжелее было, чем в первый раз. Наконец, от усталости падая, мокрые, естественно, насквозь, оказались мы в тёплом коридоре, который к кочегарке вёл. После темноты и холода он уже мне замечательным местом показался: жарко, сухо, и красные отблески от котла доходят — значит, близко уже жизнь, люди! Но Гага выглянул через прорытый нами канал в угле и быстро обратно отшатнулся.

— Нельзя выходить! — шепчет.

— Это почему это? — Я совсем уже терпение потерял.

— Там кочегар сидит! — Гага шепчет. — Нельзя, чтобы он узнал, что мы через этот ход прошли!

— Почему нельзя-то? — Тут я уже совсем возмутился.

— Ты что же думаешь — он просто так здесь сидит? — Гага говорит.

— Конечно, просто так! Обычный кочегар! — Я чуть было уже не кричал.

— Обыкновенный! А почему он, интересно, что-то всё время пишет? — Гага говорит.

— Ну ладно! Если ты считаешь, что всё так необыкновенно, — лягу прямо здесь и буду спать!

Устал я действительно очень сильно. Разровнял немного уголь, который мы сюда протолкнули, лёг, руки под голову положил и вправду неожиданно заснул. Проснулся, не знаю уж через сколько, — Гага меня разбудил.

— Давай, — говорит, — выбираемся потихоньку — он ушёл.

Выбрались мы во двор. Я, с Гагой не прощаясь, домой пошёл. И бабушка к тому же — хороша бабушка! — вместо того чтобы выругать меня как следует, говорит спокойно:

— Где же ты так изгваздался, родной?! Ну, снимай быстро, я в тазу замочу. Но молодец, что к пяти поспел, как я велела, за это я тебя оладьями угощу.

Посмотрел я на часы — действительно, всего пять часов — всего четыре часа это путешествие продолжалось, а казалось — год! Поел я, потом телевизор посмотрел, после спать лёг — здорово я в тот день устал. Ночью вдруг приснился мне тёмный зал, как мы в нём плывём — во сне всё это страшнее ещё казалось. Проснулся я, весь в поту, лежал, не двигаясь. Потом вдруг горячая вода из уха вылилась — наверно, в тёмном зале мне в ухо набралась. Почему-то испугался я, на кровати сел. Сказал себе, что никогда больше с Гагой никаких дел не имею. Хватит! Всё! Но утром встал, по двору поболтался и неожиданно к Гаге пошёл.

Он кивнул деловито, видно, и не помнил того, что я, не прощаясь с ним, вчера ушёл.

— Посмотри, — в сторону стола кивнул. — Я там набросал кое-что... по-моему неплохо.

На столе лежит листок, на нём были нарисованы квадратики, и в них написано: кочегарка — коридор — Тёмный зал — коридор — Остров.

— Ну как? — спрашивает.

— Замечательно! — говорю. — Даже лучше, чем в действительности!

Тут Гага обиделся, злобно на меня посмотрел:

— Знаешь, как называется человек, который ни во что не верит? Циник! И в тебе уже много этого, ты ко всему уже с усмешкой относишься. И это ещё в молодом возрасте, а что потом с тобой будет — представляешь?

— А с тобой? — говорю ему.

— Ладно, — Гага говорит. — Так будешь участвовать в освоении или нет?

— Ладно, буду — не бойся! А то ты без меня вообще голову себе сломишь!

— Тогда так, — Гага говорит. — Я тут набросал список, что нам надлежит в первую очередь на остров взять. Значит так. Десять банок тушёнки. Два спальных мешка. Десять инкубаторных цыплят. Две буханки хлеба. Полкило конфет. Топор. Транзисторный приёмник.

— Так, — говорю, — а зачем нам десять цыплят?

— Как зачем? — Гага говорит. — Жить на острове будут. Яйца нести.

— А кошка та их не сожрёт?

— А мы ограду для них сделаем.

— Так... А где мы два спальных мешка возьмём?

— В прокате.

— Так, а зачем транзисторный приёмник с собой брать?

Представил я, как мы со всем этим грузом через тёмный зал плывём, а потом ещё взбираемся по вертикальной стене!

— Может, — говорю, — телевизор с собой взять, чтобы там программу «Время» смотреть?

Ничего не ответил на это Гага, даже голову от своего дурацкого списка не поднял! Потом только произнес:

— Так... За хлебом и конфетами ты сходишь или мне нужно идти?

— Схожу!

— Деньги нужны?

— Есть!

Вышел я от него, пошёл в булочную. Ладно, думаю, — сделаем всё так, как он хочет. Посмотрим! Вошёл я в булочную, взял на руки две буханки, схватил кулёк с конфетами, шёл уже к выходу — потом посмотрел вдруг почему-то вниз, себе под ноги. И чуть было не упал от ужаса: гляжу, на полу около кассы, свернувшись и мурлыча, та самая кошка лежит — чёрная, с белой головой, которую мы на нашем необитаемом острове видели. «Как же она тут оказалась?» — мелькнула мысль.

Почему-то в тот момент не подумал, что спокойно она оттуда пришла сюда, по обычной дороге, и ни по каким катакомбам не лезла! Но посмотрел я потом на кошку, как лежит она, спокойно мурлыча, и понял вдруг: никакого острова нет, есть просто какой-то заброшенный участок в десяти минутах ходьбы от нашего двора. Положил я почему-то буханки и конфеты на место, обратно к Гаге побрёл. Он так и подскочил, когда про эту кошку услышал. Выскочили мы от него, к булочной помчались.

— Но мокрая ведь она? — на бегу спросил Гага.

Но нет — абсолютно сухая кошка оказалась! Открыла снисходительно глаза, когда Гага её рукой тронул, — и снова зажмурилась.

— Так, — Гага тихо сказал и из булочной вышел.

Я догнал его. Молча шли с ним по улице. Вошли во двор, дошли до парадной, поднялись.

— Ну, я пойду? — робко спрашиваю.

Гага только убито рукой махнул — так расстроился.

...Недели через две после этого ехал я с родителями в гости на такси. Переезжали мы какой-то мостик, через какой-то промышленный ручей — в него со всех сторон сточные трубы впадали, по берегам деревья росли, и вдруг мелькнула за деревьями та красная стена, из которой мы вылезли тогда к нашему «необитаемому острову»! И над стеной этой — высокая труба, и на трубе этой выложено было белым кирпичом: «1924». То есть работает там обычный завод, и ничего таинственного ни за этой стеной, ни рядом — нет. Наутро встретились мы с Гагой в школе, и я рассказал ему об этом. И долго после этого мы не вспоминали о нашей экспедиции.

Пока однажды...

День этот я хорошо запомнил: как раз накануне Первого мая это было. Ещё бы не запомнить: объелся я за ужином блинов, а точнее — оладьев. Лежал на диване и стонал.

И вдруг — звонок. Абсолютно некстати! И появляется, ясное дело, Гага. Кто другой ещё может настолько некстати появиться? По глазам его вижу, вернее, по одному даже глазу, он ко мне профилем сел, что появилась у него очередная безумная идея.

— Спишь? — вроде бы равнодушно спрашивает.

— Сплю, — говорю. — А что? По-моему, лучше спать, чем делать глупости.

— Думаешь? — спросил Гага.

— Уверен!

— Прости, что я тебя поднимаю, — изысканно-вежливо говорит Гага, — но может быть, выйдем на секундочку во двор?

— А дальше?

— Нет, только во двор. Этим и ограничимся.

Встал я, оделся, хотя не очень-то верил, что он двором ограничится.

Вышли во двор. Почти во всех окнах свет горит. Понятно, завтра праздник, люди готовятся. Вот в моём окне, на третьем этаже, бабушка показалась. В другом окне, тоже на третьем этаже, Гагина мать встала на подоконник, свесилась — какую-то банку между стёкол поставила. Обыкновенно всё. Спрашиваю:

— Ну что?

Гага говорит:

— Здорово, а? Почти все окна горят!

Посмотрел я на него с изумлением: совсем уже, что ли, умишком ослабел? Вытащил меня во двор, чтобы я посмотрел, как окна светятся в доме?

— Да... здорово горят! — чему-то радуясь, говорит Гага. — Одно только не горит... Не знаешь — это в моей квартире или твоей? — Посмотрел я — действительно: одно окно на нашем этаже тёмное. Ну и что?

— Не знаю, — говорю, — в чьей это квартире, в твоей или моей, какая разница? Я у соседей редко бываю, так что точно не помню, чьё это окно... Судя по расположению — оно и к твоей квартире относиться может, и к моей. Могу идти?

— Да... Интересно, — говорит Гага. — А видел ли ты когда-нибудь, чтобы в окне этом свет горел?

— А почему бы ему там не гореть? — спрашиваю.

Но сам начал уже вспоминать...

Вообще часто так было, что мы во дворе играли до темноты, видели, как в окнах начинал свет зажигаться — в одном, после в другом. И мне тоже стало вдруг казаться-

ся, что окно это — в самой середине третьего этажа — всегда тёмным было.

— Ну и что? — спрашиваю Гагу.

— Не знаю. — Он пожал плечами.

— То есть ты хочешь сказать, что это особенное какое-то окно?

Гага долго молчал, потом спрашивает:

— Не знаешь случайно, сколько окон в вашей квартире всего?

— У нас в двух комнатах три окна, в кухне одно, и у Лидии Григорьевны с Борисом Ефимычем два. Шесть.

— Так, — говорит Гага. — У нас — три, в кухне — одно и у соседа-кочегара — одно. Складываем твои окна с моими — получается одиннадцать. Теперь сосчитай, сколько всего окон на третьем этаже.

— ...Двенадцать! То есть ты хочешь сказать, что одно окно лишнее?

— Ну, может, и не лишнее, — говорит Гага. — Но ясно, что оно ни к моей, ни к твоей квартире не относится.

— К чему же оно относится? — Гага только плечами пожал. — Как же в эту комнату попасть? — спрашиваю.

— А думаешь, надо попадать? — спрашивает Гага.

«Так, — думаю, — всё ясно! — Гага новую загадку изобрёл, и непонятно, что можно ему возразить!»

— Та-ак... — говорю, — значит, между нашими квартирами какая-то комната, вход в которую неизвестно откуда?

— Видимо, — Гага плечами пожал.

— И что же там происходит?

— Откуда я знаю? — говорит Гага.

— И что ж это за комната такая, неизвестно?

— Я расспрашивал старожилков нашего дома, — говорит Гага, — никто из них даже не догадывается, что одно окно в нашем доме всегда тёмное.

— Значит, это ты первый заметил?

Гага плечами пожал:

— Видимо, я.

— Ну и что теперь будем делать?

— Думаешь, надо обязательно что-нибудь делать?

— Ладно, не притворяйся! — Я разозлился. — Не просто же так ты меня во двор вытащил — явно хотел что-то мне предложить!

— Ну, неплохо бы, вообще, заглянуть в эту комнату, — говорит Гага. — Но вход в неё, видимо, замурован. Когда, с какой целью и что в этой комнате замуровано — вот на какие вопросы хотелось бы получить ответы, — говорит Гага.

— Проникнуть в эту комнату через стены не удастся — вряд ли твоя преподобная бабуся позволит стену в вашей комнате проломить.

— Бабушка? — обрадовался я. — Она позволит! Пойдём, честно ей всё расскажем — она разрешит!

— Да нет, — говорит Гага. — Не стоит лишних людей в нашу тайну посвящать. Думаю, самим удастся разобраться. Завтра Первое мая, все почти на демонстрацию уйдут, и мы с тобой в комнату эту проникнем.

— Но как?

— Думаю, на крыше за трубу верёвку привяжем, и один из нас спокойно по этой верёвке до окна спустится.

— Ты это называешь — «спокойно»?

— А что? По-моему, мы уже спускались на верёвке с высоты не так давно.

— Ну, там хоть не видно было, какая высота, а тут ясно — грохнешься — всё переломаешь!

— Пожалуйста, — говорит Гага, — я спущусь, а ты будешь на крыше находиться, за верёвкой следить.

— Ну, почему же, — говорю, — можем жребий вытянуть — кому спускаться!

— Ну, хорошо, — говорит Гага, — завтра в девять часов я зайду за тобой, с верёвкой.

Вернулся я поздно уже, лёг спать. Но всю ночь не мог заснуть. «Надо же! Считал, что никаких больше тайн нет во всей Вселенной, а оказалось — вот тайна, под боком, рядом с моим диваном — замурованная комната!» Так и заснул я под утро, думая о ней, и приснился мне страшный сон.

Будто бы встаю я с дивана, вылезая через форточку на подоконник, потом, держась за раму, пытаюсь свеситься подальше, чтобы в ту, соседнюю комнату заглянуть, но нет, сбоку не видно ничего, только оконный переплёт.

Вдруг, решившись, я отталкиваюсь от своей рамы вбок, лечу и оказываюсь на подоконнике той комнаты! Чуть не сорвался, но успел ухватиться кончиками пальцев за оконный переплёт.

Потом прижался лбом к холодному стеклу, стал смотреть. Тут, к счастью, над двором луна появилась, и всё стало мне видно в той комнате: продолговатая пустая комната, на полу чёрные тени от рам, в углу — цилиндрическая железная печка до потолка. И всё! И ничего больше в этой комнате нет. И даже двери нет — вот что поразительно! Комната есть, печка есть, а никакая дверь в эту комнату не ведёт — ни открытая, ни закрытая.

Передвинулся немножко по подоконнику, ладонью форточку толкнул. Она заскрипела вдруг, страшно громко, в тишине, и сдвинулась. Ещё нажал — она почти полностью открылась и вторую форточку во второй раме сдвинула.

Подтянулся я, скорчился и стал в эту форточку протискиваться. Пролез, повисел в комнате вниз головой... Чёрные тени там на полу. Тихо — только слышится громкое моё дыхание. Потом ступил руками на подоконник, потом сделал переворот и ногами встал на пол. Всё! Прошёл по всей комнате, стены осмотрел. Дверь всё-таки есть, в той самой дальней стене, где печка. Но заклеена — чуть выступает высокий прямоугольник под обоями. Потом стал разглядывать более подробно: какие-то вещи, видно, оставленные старыми жильцами, валяются на полу: старая самодельная кукла, чулок, набитый песком и кое-где перевязанный, с глазами и ртом, нарисованными углем, потом металлический милицейский свисток с катающимся шариком внутри, ещё — «маялка», сшитая из обрезков материи с защитой внутри — вспомнил я — бляхой от морского отцовского ремня. И со страхом я вдруг понял, что все эти вещи мне знакомы, вернее, всё это были мои вещи, которые я в разное время потерял, и как-то они оказались сейчас все вместе в этой комнате? Вернее, вспомнил я, они и не потерялись, а странным образом все исчезли — и вот теперь оказались как-то в закрытой этой комнате, на полу. Зачем? И кто их сюда собрал? Я быстро посмотрел назад — открыта ли форточка? Потом посмотрел вперёд и увидел, что заклеенная дверь качается под чьи-то ударами, кто-то хочет войти в эту комнату; потом обои криво и далеко порвались, и дверь стала

медленно отворяться. С бьющимся сердцем я отско-чил к окну и... проснулся у себя на диване. Но долго ещё не мог понять, что это был сон — настолько ре-ально всё было в той комнате. Потом я заснул, и раз-будил меня звонок.

В комнату в сопровождении бабушки вошёл Гага.

— Всё спишь? — сказал он. — Что, разве ракеты смотреть не пойдём?

При этом он подмигивал мне так, что пробка в графи-не на столе дребезжала.

— А... ракеты смотреть... пойдём... — сказал я, с тру-дом возвращаясь к реальности.

Я встал, оделся и увидел на плече Гаги свёрнутую верёвку... Значит, сон мой не так уж далёк от действи-тельности. Во всяком случае, в ту комнату мы сейчас полезем.

Мы поднялись по лестнице наверх, открыли дверь на чердак. Сгибаясь под низкими наклонными балка-ми, мы шли к слуховому окну. День был солнечный, в слуховое окно входил толстый слой солнца. В луче солнца светились тучи пыли. «Как, — вдруг подумал я, — планеты во Вселенной». Быстро промелькнула золотая муха. «Как комета», — подумал я. Гага вошёл в пыль, закашлялся, и в освещённом столбе пыли да-леко пошли волны кашля.

Через слуховое окно мы вылезли на грохочущую крышу.

— Ну, на какой трубе делаем петлю? — деловито спросил Гага, проводя верёвкой вверх-вниз по своей спине, почёсывая между лопаток.

— Думаю, к этой, — сказал я.

Мы подползли к краю крыши, посмотрели, куда све-сится верёвка — да, приблизительно над этой комна-

той. Мы обвязали верёвку вокруг трубы, подёргали — нормально!.. Сбрасывать пока не стали, чтобы какие-нибудь жильцы третьего этажа, случайно оставшиеся дома, не заметили верёвку и не подняли крик.

— Ну — кто? — спросил я.

Я почему-то был твёрдо уверен, что в комнате той всё именно так, как я видел во сне, поэтому, честно говоря, сильно боялся.

— Видимо, мне придётся, — сказал Гага.

— Что значит, «придётся»? — разозлился я. — Будем тянуть жребий, как договорились. Спички есть?

— С вредной привычкой курения покончил во втором классе, — насмешливо сказал Гага.

— Ну, тогда считаться будем — ясно?

Пришлось вспомнить малолетскую считалку: «Эники, беники, си, колёса, эники, беники, ба!» Выпало, конечно, спускаться мне.

«Ну, что ж, — усмехаясь про себя, подумал я, — один раз уже влезал в эту комнату, во сне, второй раз влезать будет уже легче!»

Гага привязал верёвку мне за пояс, ещё раз обвязал вокруг руки.

— Только помни, в чём главная опасность! — сказал Гага.

— Думаю, в том, что можно грохнуть! — стараясь улыбнуться, сказал я.

— Да нет, — с досадой сказал он. — В том, что рядом с тем окном — окно комнаты кочегара! Наверняка он за нами следит. Я думаю, что как-то он с замурованной комнатой связан.

— Ах вот, оказывается, в чём опасность! — насмешливо сказал я, но Гага, как мне кажется, насмешки не почувствовал.

— Ну, мне пора! — Я махнул рукой и на четвереньках полез к краю.

Потом осторожно слез, повис, держась руками за ржавый край. Сердце билось, как пойманная рыба. В глазах потемнело, я почувствовал боль в животе и плече. Отпустив край крыши, я болтался в воздухе, как кукла, верёвка стискивала плечо и живот. Потом, шурша об острый край крыши, верёвка стала удлиняться. Я начал опускаться. С каждым метром я чувствовал облегчение, почти счастье, всё-таки на один метр спустился, если падать, то уже с меньшей высоты!

Потом я оказался напротив окна четвёртого этажа. К счастью, в комнате никого не было, но зато на подоконнике среди цветов сидела кошка, та самая, чёрная, с белой головой, которую мы встретили на «необитаемом» острове! Она сидела среди цветов спокойно и, как мне показалось, насмешливо глядела на меня.

«Так. Ещё одну глупость придумали!» — казалось, говорил её взгляд. Потом я болтался уже ниже окна, но этот насмешливый взгляд кошки продолжал преследовать меня. Наконец я нащупал ногой внизу углубление — окно. Я уже висел, извиваясь на верёвке, как червяк, пытаюсь заглянуть вниз, в это окно. Верёвка толчками спускалась, и вот уже моя голова оказалась на уровне закрытой форточки.

Стекло отражало белые облака и синее небо — пришлось долго двигать головой, чтобы увидеть внутренность комнаты. Так! Обычный стол. Диван у стенки... Около дивана аквариум, фикус... Таинственная комната, к которой я с таким риском спускался, оказалась точным повторением моей комнаты, в которой я живу!

Некоторое время я размышлял над этим загадочным совпадением: зачем кому-то понадобилось эту комнату

делать полным повторением моей? И рыбки в аквариуме точно такие же: одна совсем золотая, другая бурожавая... Это же мои рыбки! И тут я с диким приступом злобы понял, что никакая это не другая комната — это именно моя комната, и для того я с такими трудностями спускался с крыши, чтобы увидеть собственную свою комнату! Не рассчитали, болваны, и теперь я вишу совершенно не там! К тому же я стал крутиться, ещё прибавилось головокружение. Когда я оказывался лицом к окну, носками ботинок я пытался дотянуться до ржавого подоконника, подтянуться, встать на подоконник, немного отдохнуть. Наконец это мне удалось, я подтянулся подошвами к окну, жадно схватился за термометр, укреплённый на окне, выпрямился. Я стоял, тяжело дыша, глядя внутрь своей комнаты. Конечно, можно было постучать в стекло, бабушка вошла бы в комнату и открыла, но я представил, что с ней будет, когда она увидит меня за окном, на уровне третьего этажа, висящего на верёвке! Ладно уж, лучше перетерплю! Рыбки с удивлением тыкались носом в аквариум, видимо, удивляясь моему появлению с неожиданной стороны. Чуть отдышавшись, осторожно держась за градусник, я откинулся — не удастся ли как-то перебраться на подоконник того окна, но нет — оно отсюда было очень далеко, а стена между окнами оказалась очень отвесной. Тут я испугался, что бабушка войдёт в комнату и увидит меня за окном, и я быстро дёрнул верёвку три раза, что означало по нашему уговору: «Спускай вниз!»

Верёвка пошла, и скоро я с облегчением ступил на твёрдый асфальт, с трудом развязал узлы. Верёвка поползла вверх и, мотнув растрёпанным концом, скрылась на крыше.

Я не успел ещё отдышаться, как прибежал Гага.

— Да... промахнулись немножко! — сказал он. Как всегда — всё уже знал!

— А хоть чуть-чуть... заглянуть в ту комнату не удалось? — с надеждой спросил он.

— Если бы у меня была шея, как у жирафа, тогда, может быть, и заглянул бы!

— Ну ладно, — сказал Гага, — короткий отдых! Всё-таки праздник сегодня — имеем право.

Мы вышли из двора, добежали до Летнего сада и там, стоя на парапете, руками держась за решётки, смотрели, как по набережной идёт современная техника: танки-амфибии, зачехлённые огромные ракеты на специальных автоприцепах, потом пушки с толстым, высоко поднятым дулом. Стоял грохот, всё дребезжало, когда шла мимо нас очередная колонна; Гага что-то пытался мне говорить, но только зря открывал рот — ни слова не было слышно.

Потом, когда парад прошёл, мы вернулись во двор и разошлись по домам: я знал, что бабушка печёт мои любимые пирожки с маком.

Было уже совсем темно, я спал, как вдруг меня разбудили отчаянные звонки. Потом в комнате зажглась лампа, и возле меня оказался красный, взъерошенный Гага. Его обычное хладнокровие исчезло без следа. Глаза сверкали, рука, которой он всё время поправлял причёску, дрожала.

— Свет... в том окне! — тяжело дыша, проговорил он.

Я подскочил на диване, потом быстро оделся, и мы выбежали во двор. Мы задрали головы, но видно было плохо. Тогда мы быстро пошли в тот конец двора, к высокой глухой стене, с той стороны закрывающей двор, —

отсюда окна третьего этажа были видны хорошо. Во всех окнах ярко горел свет, только одно окно — то самое — было тёмным... Дождь капал на наши разгорячённые лица.

— Сейчас! — прошептал Гага.

И тут, замерев, мы увидели, как в окне той комнаты появился маленький, красный, дрожащий огонёк. Но вот он, также дрожа, стал наливаясь, разрастаться. Рядом с ним, с некоторым опозданием, росли ещё два огня — жёлтый и зелёный. Потом огни стали блекнуть, и в комнате снова стало темно. Довольно долго мы ждали, стоя у стены, — и снова в той комнате появились странные огни, не похожие ни на лампы, ни на свечи — это было что-то совсем другое! Это повторилось раз десять.

— Надо срочно туда! — прошептал я.

Мы вбежали на чердак, вылезли на крышу. Перевязали верёвку на другую трубу — чтобы снова не оказаться в моём окне, чтобы на этот раз точно уже спуститься к загадочному окну.

— Я спущусь! — схватился за конец верёвки Гага.

— Нет, я! У меня уже опыт есть, а сейчас время тратить нельзя!

Любой ценой мне хотелось самому проникнуть в тайну замурованной комнаты! Я быстро обвязался верёвкой и ногами вперёд слез с крыши. Оттого, что я слез с крыши быстро, почти спрыгнул, я стал вдруг раскачиваться взад-вперёд и никак не мог остановить это раскачивание. В окне третьего этажа, к которому я спускался, всё было другое, чем в прошлый раз, — значит, другое окно, значит, я спускаюсь теперь верно.

Потом я долго видел перед носом тёмную стену между этажами, потом под ногой появилась впадина — то окно!

Медленно, стараясь не качаться, я опускался и точно встал ногами на край подоконника. Быстро отпустив верёвку, я ухватился пальцами за раму и стал смотреть внутрь комнаты. В комнате сейчас был ровный тёмно-красный свет, и сначала, кроме этого света, я ничего не видел другого. Потом, прижавшись лбом к стеклу, я разглядел, что в комнате никого нет, и посередине неё стоит большой старинный стол, а у стола кресло с высокой спинкой. Вдруг прямо из стены вышел человек. Он повернулся лицом к окну — и от страха я чуть было не отпустил раму: лицо его до самых глаз было скрыто чёрной повязкой!

Не заметив меня, он подошёл к столу, поставил на него медную ступку с пестиком, которую принёс с собой, потом высыпал в неё что-то из маленькой железной коробочки и стал толочь. Что-то было в нём знакомое, но что — я не мог вспомнить. И вдруг я узнал его, даже сквозь повязку. Кочегар, тот самый, который стерёг подземный ход, оказался сейчас в этой замурованной комнате! Мне стало страшно. Я захотел быстрее слезть с окна, спуститься во двор, но от дождя подоконник стал скользким, ботинок поскользнулся, и, едва успев поднять локти перед лицом для защиты, я с грохотом и звоном стёкол ввалился в комнату. Вернее, только наполовину, до пояса, а остальная моя часть висела над бездной. Животом я лежал на раме. Увидев меня, кочегар оцепенел. Кто бы он ни был, моё появление, безусловно, его потрясло.

— Что вы тут делаете? — от растерянности спросил я.

Для человека, ввалившегося в окно, вопрос этот, как сразу же я понял, был довольно нахальным. К тому же

я вдруг безудержно начал чихать. Я чихал, лёжа животом на подоконнике, из глаз моих текли слёзы...

— Как что? Перец толку. — растерянно сказал кочегар. Нагнув, он показал внутренность ступки, потом для чего-то снял с лица повязку и тоже, вместе со мной, начал чихать. К тому времени я разглядел уже комнату, и дверь (просто она была в боковой стене и открывалась наружу, поэтому я её и не заметил), и диван, и шкаф с книгами, и тёмно-красную лампу в углу. Ясно! Снова ошибка! Вместо той комнаты я ввалился в комнату кочегара. Все ужасные последствия моего поступка мгновенно пронеслись в моём мозгу. Конечно же, никто не поверит, что я влез в чью-то комнату с чисто научными целями, конечно, все подумают, что я залез воровать! Всё пропало! Хотя бы это чиханье не кончалось как можно дольше! Я согласен лежать на подоконнике хоть год — лишь бы события не развивались дальше.

— Так зачем ты ко мне забрался? — чихая и вытирая слёзы со щёк, проговорил кочегар.

— Я не к вам... я по соседству! — чихая, проговорил я.

— Пстой, пстой! — проговорил он. — Это ты вроде со своим дружкой через кочегарку мою куда-то лазил?

Я кивнул.

— А сейчас куда лезешь? — спросил он.

— Я не к вам! — Говорить было трудно со сдавленным животом. — Я... по соседству!

— Куда это?

— В соседнюю комнату... замурованную... — проговорил я.

— Зачем вам туда? — спросил он.

Кочегар попытался втащить меня в комнату, но ничего у него не вышло — верёвка не пускала.

— Понимаете — всегда там темно. Ну а сегодня, — торча в окне, разглагольствовал я, — вдруг увидели там какой-то свет! Какие-то разноцветные огни — появятся, разгорятся — потом исчезнут.

— Разноцветные? — заинтересовался кочегар. — Когда это было?

— Да только что! Только что перед этим, как я к вам... упал, — сказал я.

— Разноцветные! Да это же салют! — сказал кочегар. — Со двора его не видно, а в стёклах третьего этажа он отражался.

— Да? А почему же в остальных окнах он не отражался, только в том?

— Потому что в остальных комнатах свет горел! — сказал он. — Только одно тёмное было — поэтому в нём салют и отражался.

— Точно! — с огорчением произнёс я. — Пойду Гаге это скажу.

Я поднял кепку и хотел выйти обратно в окно.

— Постой-ка! — Кочегар схватил меня за волосы, топорливо втолкнул меня в комнату. — Ты куда?

— Туда, — я кивнул за окно.

— Нет уж! — Кочегар стал за волосы втаскивать меня в комнату. Слезы выступили у меня на глазах.

С грохотом я свалился с подоконника на пол. Встал на ноги. Осколки с мелодичным звоном заструились с меня. Кочегар развязал сдавливающую мой живот верёвку. Ноги у меня крупно дрожали. Я сел на старинное кресло с высокой спинкой. Кресло заскрипело.

— Ну так вот! — проговорил кочегар. — Для первого раза я вам прощаю и любознательность вашу одобряю.

Но только таким путём действовать больше не надо. Ясно? — Тут вдруг раздался вежливый стук в окно, и в комнате появился Гага.

— Так. Ещё один! — недовольно проговорил кочегар.

— Вы извините уж его, — почему-то сваливая всё на меня, бойко и спокойно заговорил Гага, как будто он не свалился с небес, а вошёл в дверь. — Он у нас немножечко того! Какую-то тёмную комнату придумал, которая, если и существует, никому не нужна... Он, понимаете, лунатик у нас — по ночам любит лазить по домам. Ну, мне, как истинному другу, приходится его оберегать.

От такой клеветы я чуть не поперхнулся. Это я, оказывается, всё делаю, а «истинный друг» оберегает меня!

Я злобно глянул на Гагу — но он незаметно мне подмигнул.

— Так что — извините! — снимая кепку, проговорил он. — Простите за беспокойство! А стёкла мы вам завтра же вставим! Мой дедушка был стекольщиком — так что не сомневайтесь!

Одной половиной лица лучезарно улыбаясь хозяину, другой отчаянно подмигивая мне, Гага, пятясь, стал выходить в коридор.

— Извините! — Я вышел за ним, в коридор его собственной квартиры. Но Гага потащил меня снова на лестницу.

— Куда? — упираясь, спросил его я.

— На крышу! — проговорил он.

— Нет уж! — Я вырвался.

— Но надо же верёвки снять, чтобы не болтались!

— А-а! — Я обрадовался. — Верёвки! Верёвки отвязать — это можно.

Я первый побежал вверх по лестнице.

— Ну — видел там? — догоняя меня, проговорил Гага.

— Где там?

— Ну там, у этого якобы кочегара... Дверь в тёмную комнату.

— Где дверь? — Я остановился.

— Шкафом задвинута, — проговорил Гага. — Думал — не замечу я. Но меня не проведёшь! Так что — достаём стёкла, приходим к нему якобы стёкла вставлять, а когда он на смену в кочегарку пойдёт — откроем дверь и проникнем в тёмную комнату.

— Замечательно! — проговорил я.

На следующий день был ещё праздник, я сидел дома, наслаждался чтением старинных журналов «Нива», выменянных у нашего одноклассника Малова на альбом марок. Звонок. Я с неохотой поднялся, открыл дверь. Вошёл Гага.

— Вперёд!

— Что, в тёмную комнату пойдём?

— Если получится, — сухо проговорил Гага.

— А нет ли там... опасности какой-нибудь?

— Вполне может быть, — ответил Гага ещё более равнодушно.

— Ну ладно... Сейчас соберусь!

Я оделся почему-то по-зимнему, в пальто и в шапку, и мы пошли.

На лестничной площадке томился наш одноклассник Маслёкин с двумя своими взрослыми друзьями — Пеккой и Тохой. Они «балдели», то есть под громкую музыку магнитофона раскачивались, зажмурив глаза. Нас они не заметили — но я поглядел на них с некоторой завис-

тью. Во устроились! Сиди, слушай песни на непонятном языке. Отдыхай! Балдей! И никаких тебе забот!

— Делать людям нечего! — усмехнулся Гага. Мы спустились, пошли по двору к Гагиной парадной.

— Ну, а как ты думаешь, что там — в тёмной комнате этой? — спросил я.

— Я не думаю, я знаю, — ответил Гага. — Чёрная дыра.

— Что?!

Я остановился.

— Чёрная дыра.

— А что это?

— Ну, это такой разрыв в пространстве, через который можешь попасть в другое измерение. Слышал небось, что иногда люди бесследно исчезают?

— Значит, мы тоже можем бесследно пропасть?

— Ты сначала войди! — утешил Гага. — Вход туда, как ты знаешь, этот цербер-кочегар сторожит. Но повод есть для захода к нему — стёкла я достал.

— Так быстро?

— А ты хотел бы, чтоб медленно? — усмехнулся Гага.

— Нет, ну почему же... Отлично! — бодро ответил я.

Мы вошли в парадную Гаги.

— Постой-ка! — остановил его я. — Ведь говорят, что дом наш в восемнадцатом веке был построен? При императрице Елизавете Петровне?

— Так. Ну и что?

— А разве могли тогда быть... другие измерения?

Гага засмеялся противным своим смехом, словно лопнувший мяч засипел.

— Другие измерения? Конечно, не было их тогда! Ничего тогда не было! Земля тогда плоская была — разве не знаешь?

— Ну ладно! За дурака меня не принимай! — Я обиделся.

Мы молча стали подниматься по лестнице. На площадке второго этажа тоже «балдели» ребята, сначала мне почудилось, что здесь, как-то опередив нас, оказался Маслёкин с его друзьями — но нет, это были другие ребята, незнакомые, не из нашего дома, но чем-то очень похожие на Маслёкина и его друзей.

— Делать людям нечего! — проходя мимо них, внятно и громко проговорил Гага. — Подышают от безделья!

Один из них открыл глаз. Я обрадовался: может быть, завяжется драка? Раньше драться я не очень любил, но теперь обрадовался и оживился: побьют нас, выкинут с лестницы, и можно будет не идти в тёмную комнату.

Но ребята оказались не из таких.

— А чего делать-то нам? — проговорил самый огромный из них. — Делать-то нечего ведь — сам знаешь!

— Чего в чужой парадной-то сидите?! — резко спросил я, надеясь ещё на спасительную драку. — Своей нет?

— А ты купил, что ли её?! — проговорил вдруг самый маленький из гостей.

Так! Отлично!

— Купил! Представь себе! — грубо ответил я. Но гигант, отодвинув маленького, покорно сказал:

— Ну, хорошо. Если надо так — мы уйдём. Отовсюду уже выгнали нас — теперь вы гоните!

— Да ладно уж! Оставайтесь! — Мне стало их жалко.

Гага открыл уже дверь своей квартиры и ждал меня. Я со вздохом вошёл, и Гага захлопнул за мной дверь на лестницу.

— Не бойся! — проговорил Гага. — Предков нет моих — в гости ушли.

Как будто бы я боялся его предков! Боялся-то я совсем другого... Гага нагнулся и осторожно поднял при-слонённое к стенке оконное стекло.

— Второе бери! — показал он. Я поднял второе стекло.

— Где взял? Ведь выходной же сегодня! — спросил я.

— Где, где! — ответил Гага. — У нас в комнате вынул — где же ещё.

— Ну, смело, ничего не скажешь, — сказал я. — Представляю, что твои родители нам устроят, когда вернутся!

— Если только они достанут нас в четвёртом измерении! — усмехнулся Гага.

Я задрожал — чуть не выронил стекло.

— Тут-тук! — бодро проговорил Гага, коснувшись пальцем двери в комнату кочегара. — Можно? Мы к вам стёкла пришли вставлять!

Из-за двери никто не отвечал. Мне стало почему-то очень страшно.

— Интересно! — Гага потянул дверь, она открылась.

В комнате никого не было. Посреди комнаты стоял шкаф, отодвинутый от стены. Дверь в тёмную комнату была распахнута! Мы выскочили в коридор.

— Та-ак! — тяжело дыша, проговорил Гага. — Сам, значит, туда ушёл. Испугался, что мы разоблачили его!

— Как... кого мы разоблачили? — прошептал я.

— Посланника... — прошептал Гага. — Он, видимо, человек был, но связанный с ними.

— С кем — с ними? — проговорил я.

— Ну, с существами, которые там.

— А... которые там?

— Если бы я знал — я бы не стал этому уделять столько внимания, — проговорил Гага. — Пошли!

Мы снова вошли в комнату. Как-то в ней было тревожно — из-за двери, открытой туда. Мы осторожно, ступая как по льду, подошли к приоткрытой двери. Оттуда веяло холодом и какой-то неземной, абсолютной тишиной.

— Эники, беники, си, колёса, эники, беники, ба! — быстро посчитал Гага. Выпало на меня.

— Ну, я пошёл, — пробормотал я.

— Ага, — Гага кивнул.

Я переступил высокий порог... и очутился в абсолютной темноте. Я надеялся увидеть окно тёмной комнаты изнутри — а через него и наш двор, но окна никакого не было, было абсолютно темно и тихо. Постояв и послушав, как кровь шелестит в ушах, я осторожно поднял руки и двинулся вперёд. Я шёл медленно, коротким кругообразным движением нащупывая ногой пол впереди. Я двигался довольно долго — и вдруг паника охватила меня. Если бы это была обычная комната — пускай даже и тёмная, я давно должен был упереться рукой в стену — но здесь не было никакой стены! Была бесконечная темнота и тишина! Обычно хоть что-то видишь и что-то слышишь — а здесь не было ничего, только колотилась в голове мысль: «Ну, всё! Пропал! Отсюда не возвращаются!» Потом и эта мысль, вильнув хвостиком, исчезла. Не было больше ничего...

Не знаю, сколько времени прошло, пока я пришёл в себя. Я почувствовал, что лежу, подмятая рука затекла. Я поднялся и увидел далеко-далеко светящуюся щель. С колотящимся сердцем, но соблюдая осторожность, я медленно пошёл туда... и вышел в светлую комнату, к Гаге!

— Ну... что ты так долго? — белыми губами проговорил он.

Я ничего не ответил и опустился в кресло. Потом мы вышли в коридор. Оставив стёкла в комнате кочегара, мы стали спускаться по лестнице. Лестница была абсолютно такая же — и те же оболтусы, что удивительно, так и стояли на площадке второго этажа.

— Ну, как делишки? Что новенького? — стараясь говорить бодро, спросил я.

— Что может быть новенького-то? — вздохнул громадный.

— Вот батареи стали холодные! — пожаловался маленький.

— Естественно! — многозначительно глянув на меня, проговорил Гага.

— Ну, рассказывай! — прошептал Гага.

На следующий день я сидел дома, никуда не выходил.

— Батареи буквально ледяные, — поёжилась мама. — Что — не топят больше?

— Да, говорят, приказ вышел — больше не топить, — сказала бабушка. — И кочегар в отпуск уехал, говорят. Чего же топить — раз лето приходит.

За что я бабушку люблю — что всегда всё здорово объяснит, успокоит! Все просто: никуда кочегар не исчез, а просто уехал. А перед этим тёмную комнату осмотрел — чтоб занять её, скажем, после отпуска. А что я дальней стены долго нащупать не мог... топографический обман — и более ничего! Ведь говорят, что в лесу человек по кругу ходит — и я по кругу ходил. Ну, молодец бабушка моя! Спокойно стало.

На следующий день в школе Гага был высокомерен и задумчив, ни с кем не разговаривал, даже со мной. Когда Игнатий Михайлович вызвал его, Гага укоризненно глянул на него, так покорно, но тяжело вздохнул, что

Игнатий Михайлович даже растерялся, стал ощупывать свой костюм — нет ли в нём какого дефекта, не сбился ли на сторону галстук?

— Почему ты так смотришь, Смирнов? — проговорил Игнатий Михайлович. — Что-нибудь произошло?

— Да нет, ничего, — тихо произнёс Гага. — Вы хотите, чтобы я отвечал?

— Да хотелось бы, — пробормотал Игнатий Михайлович.

— Ну, хорошо. — Гага пожал плечами. — Что именно вас интересует?

— Урок, — робко сказал Игнатий Михайлович.

— А-а, урок! — проговорил Гага. — Урок я не знаю.

Он сделал ударение на слове «урок», явно давая понять — что знает нечто другое, более важное.

— Да, урок... А ты выучил что-нибудь другое?

— Да ничего я не выучил! — уже почти раздражённо проговорил Гага.

— А почему же у тебя такой многозначительный вид? — усмехнулся Игнатий Михайлович.

— К сожалению, есть вещи, не предназначенные для непосвящённых. — проговорил Гага снисходительно.

Игнатий Михайлович, уже протянувший было руку к журналу, чтобы поставить пару, испуганно отдёргнул руку и посмотрел на Гагу.

— Ты что — сделал какое-то открытие? — спросил Игнатий Михайлович.

— Ну, открытие не открытие... — скромно проговорил Гага.

— И в какой же области... это «не открытие»? Секрет?

— Во-первых, — секрет! — строго выговорил Гага. — Ну, во-вторых, эта область в науке точно не обозначена. Может быть — она слегка граничит со спелеологией,

может быть — весьма относительно — с географией. Наверняка — с астрономией. Возможно, математические парадоксы там тоже присутствуют! — словно сжалившись над математиком Игнатием Михайловичем, добавил Гага.

— А с физкультурой — связано? — пробасил наш двоечник Маслёкин.

— Без физкультуры открытия бы не произошло, — глянув в сторону Маслёкина, ответил Гага.

— Ну, ты просто какой-то Леонардо да Винчи! — проговорил Игнатий Михайлович. — Может быть, и я заодно с тобой в историю попаду? Как учитель, не раскусивший вовремя гения и отвлекающий его от великих открытий приготовлением каких-то уроков.

— Вашей вины тут нет, — снисходительно проговорил Гага. — Вы же не можете всех видеть насквозь! У вас вон ведь сколько учеников — каждого вы не можете понять, это ясно!

— Ну, спасибо, успокоил! — сказал Игнатий Михайлович. — Тогда я, быть может, всё-таки поставлю тебе двойку?

— Разумеется! — проговорил Гага. — Думаю — это ваше право. Даже обязанность! — строго добавил он.

— Ну, хорошо, — Игнатий Михайлович вывел в журнале двойку.

Прозвенел звонок. На перемене Гага держал себя, как король в изгнании, — скромно, но с достоинством.

— Не будем осуждать недальновидных людей, — снисходительно говорил он. — Откуда же догадаться Игнатию Михайловичу (Гага держался настолько солидно, что даже называл Игнатия Михайловича по имени-

отчеству, не просто Иг, как все мы), с открытием какого масштаба он имеет дело?

— Вообще — чего ты развыступался-то? — с досадой проговорил я, но нас уже окружили одноклассники.

— Ну, может быть, нам-то ты скажешь, что вы открыли? — спросил Боря Долгов, наш классный вундеркинд и отличник, чья слава после выступления Гаги явно зашаталась.

— В учебниках про это нет, — усмехнулся Гага. — А тебя ведь интересуется лишь то, что написано в учебниках?

— Ну почему же? — обиделся Долгов. — Мы на каникулах с отцом знаешь какое путешествие совершили? Ни в одном учебнике про такое не прочтёшь и даже, я думаю, ни в одной книге.

— Да что интересного можно открыть в наши-то дни? — пробасил Маслёкин.

— Значит, ничто не интересуется тебя? — спросил Гага.

— Почему же — ничего? — проговорил Маслёкин. — Джинсы интересуют, как у Пеки, кассетный магнитофон, как у Тохи. Если пары исправлю — батя обещал.

— Но где же вы... открытие-то своё сделали? — продолжал цепляться умный Долгов. — Ведь вы вроде не уезжали никуда, тут были... значит — какой-то близкий предмет? Помню, мне отец говорил, что дом наш ещё при Елизавете Петровне построен, в восемнадцатом веке. Видимо, что-то, связанное с историей нашего дома?

Мы вздрогнули. Не зря Долгов отличник — здорово сечёт!

— Да что интересного-то могло быть в ту глухомань, при Елизавете этой? — усмехнулся сверхумный Маслёкин. — Джинсов не было тогда приличных, кассетников

тоже. Рок-ансамблей и тех не было. Не пойму — чем нормальные парни занимались тогда?

— Видимо, со скуки умирали, — усмехнулся Долгов.

— Ну и что же мы, по-твоему, открыли с тобой? — по пути из школы домой спрашивал я у Гаги.

— Другое измерение, только и всего, — ответил Гага.

— Ну и что это даёт?

— Да так, ничего особенного, — усмехнулся Гага. — Просто самая дальняя галактика, которую еле-еле в радиотелескоп мы различаем, по этому четвёртому измерению свободно может в этой комнате оказаться.

— Но... как же так?

— Здравый смысл тут бессилён! — проговорил Гага. — И прошу тебя — о здравом смысле забудь, если хоть частично хочешь вообразить, открытие какого масштаба сделали мы с тобой.

— Что-то я устал сегодня! — проговорил я. — Пойду прилягу немного. Салют!

— Ну что ж, отдохни, бедняжка! — насмешливо проговорил Гага и ушёл.

Войдя в класс на следующий день, я сразу же заметил, что Гаги нет. Сердце как-то булькнуло, застучало.

— Где дружок-то твой? Всё открытия делает? — подошёл к нашей парте Маслёкин.

— Нет, серьёзно, — что с ним? — глядя на часы, спросил Долгов.

— Да проспал, наверно. — беспечно ответил я. — Вчера до часа ночи приёмник паяли.

— Интуиция мне подсказывает, что он вообще не придёт, — почему-то шёпотом проговорил Долгов.

— Почему это? — спросил я.

— Извини, но по вашим лицам давно было видно, что вы что-то серьёзное затеяли! Может, вообще самое серьёзное из всего, что вам в жизни предстоит сделать, — сказал Долгов. — Но вот что вы с друзьями не делитесь — это плохо.

— Да чем делиться-то? — сказал я.

— Ну-ну! — злобно проговорил Долгов. — Давайте-давайте! То-то, я гляжу, вас пятьдесят процентов уже осталось!

— Что значит — пятьдесят процентов? — заорал я. — Ты соображаешь, что ты говоришь — «пятьдесят процентов»?! Говорю тебе: проспал Гага, сейчас придёт. Да и сам подумай трезво: ну что может произойти в наши дни? Холеры в наши дни уже нет. Даже дорогу по пути в школу не переходим. Так что оставь свои шуточки при себе. Все в полном порядке у нас!

— Поэтому ты так раскричался, — проницательно усмехнулся Долгов.

— С ума сходят люди! — умудрённо проговорил Маслёкин. — Вместо того чтобы джинсы себе приличные раздобыть — исчезают куда-то, а тут волнуешься за них.

— Ты, что ли, волнуешься?! — закричал я. — Да тебе хоть... луна с неба исчезнет — ты не почешешься. Ведь тебе ничего не нужно, кроме кассетника. А что такое электрон — знаешь?!

— Знаю, ясное дело. — зевнул Маслёкин.

— Никто этого не знает. Никто — ясно тебе?

— И... Игнатий Михайлович? — потрясённо проговорил Маслёкин.

— И он не знает — представь себе!.. А что такое — бесконечность?

— Это... новая дискотека такая? — проговорил Маслёкин.

— Дискотека! — проговорил я. — Бесконечность... это то, над чем самые великие люди головы ломали. Ведь должна же Вселенная кончаться где-то?

— Должна, — согласился Маслёкин.

— Но за этим концом, за этой стенкой... что?

— Не знаю...

— Вот именно! Если б ты знал — то давно уже президентом академии бы стал! Ну... видимо, за стенкой этой — ещё что-то?

— Видимо, — кивнул Маслёкин. — А за этим «чем-то» — что-то ещё?

— Ну и как же всё это кончается? — проговорил я. — Не думал?

Маслёкин медленно покачал головой.

— Так что, — проговорил вдруг он, — Гага в бесконечность, что ли, ушёл?

Все оцепенели вокруг. Правильно говорят: «Устами младенцев глаголет истина». Раздался звонок.

— А где Смирнов? — оглядывая класс, спросил Игнатий Михайлович.

— Он отсутствует! — опередив дежурного, вскочил я. — Он, наверное, заболел. Можно мне навестить его?

— Что... прямо сейчас? — Игнатий Михайлович изумлённо посмотрел на меня, и мой вид его, вероятно, напугал. — А что с ним?

— Он в бесконечность упал! — пробасил Маслёкин, пытаясь всех рассмешить или хотя бы поднять настроение.

— Он дома сейчас? — спросил Игнатий Михайлович.

— Да, — сказал я, всей душой надеясь, что это именно так.

— Ну иди, — сказал Игнатий Михайлович.

Я выскочил из класса. На широкой мраморной лестнице чуть было не столкнулся с директором — он испуганно отстранился и посмотрел на меня с удивлением. «Рухнула моя школьная карьера!» — мелькнула мысль.

Я вбежал в наш двор, глянул на стекло тёмной комнаты (оно красиво отражало белое облачко), поднялся по Гагиной лестнице, походил, остывая, по площадке... Если всё в порядке — тьфу-тьфу! — нечего своим видом сеять панику. Осторожно позвонил. Раздалось бряканье замков — и по лицу Гагиного отца я сразу понял, что худшие предположения подтверждаются.

— Нет? — сразу спросил отец и тут же махнул рукой. — Ну, ясное дело.

Мы вошли в их комнату. Мать, подняв голову, поздоровалась со мной.

— Ты в школу заходил? — спросила мама. Я кивнул.

— Да ты соображай хоть, что спрашиваешь! — закричал Гагин отец. — Ведь крюк-то не поднят на двери — как он мог в школу уйти, если крюк на двери не поднят? Может, и не впускала ты его вчера вечером?

— Да что я — ненормальная, что ли? — закричала Гагина мать. — Спала уже, услышала звонок, пошла, подняла крюк, впустила его. И снова крюк опустила.

«Что они говорят? — подумал я. — У них сын пропал — а они повторяют — крюк, крюк!»

— Так, значит... он в квартире где-то сейчас? — подсказал я.

Мать вздрогнула. Отец гневно отмахнулся рукой.

— Где в квартире-то? Скажи лучше — что не впускала его вчера, не удосужился появиться твой сынок! А теперь выгораживаешь его, а зачем? — Отец в основном напал на мать, я как-то оказывался тут ни при чём.

— Да впускала я его!

— Прекрати! — Отец грохнул по столу. «Да-а, понимаю теперь, почему Гага так в тёмную комнату стремился!» — подумал я.

— Вот вы говорите — крюк, — осенило вдруг меня. — А как же сосед ваш, кочегар, к себе попадал, когда поздно приходил?

— А уж это не наше дело! — ответила мать. — Мы закрывали дверь на крюк и ложились спать. Как он там попадал — не наше дело.

— Так, выходит, ещё какой-то вход в вашу квартиру имеется?

Отец и мать Гаги испуганно застыли. Чувствовалось, мысль о том, что как-то можно пробраться в квартиру, пугала их гораздо сильнее, чем исчезновение сына.

— Так где ж ход-то? — засуетилась мать. — В кочегаровой комнате, что ли?

— Ну да! — сказал отец. — Видно, из кочегарки есть ход прямо в комнату его. Мы-то спокойно думали себе, что он в кочегарке ночует каждый раз, а он преспокойно к себе в комнату пробирался!

— Но ведь — к себе же. — робко проговорил я.

— Так у нас же общая квартира! — грозно проговорила мать. — Если он сам тайком приходил — значит и дружков каких угодно мог приводить.

До них пока что не доходила мысль, что их сын мог уйти этим ходом, их целиком занимало то, что кто-то мог войти в их квартиру.

— Жаль, что кочегар этот непонятный комнату свою запер, а то поглядели бы мы, что это за ход! — с угрозой проговорил отец. — Да и не одни — а с милицией да с понятыми. — добавил он.

«Ну и люди! — подумал я. — Совсем уже забыли о том, что их сын исчез!»

— Да не закрыта вовсе комната его, — буркнул я, пытаюсь дать им понять, куда исчез их Гага, но они коршунами впились в меня.

— А ты откуда знаешь?! — хором проговорили они. — Сам, стало быть, через лазейку к нам в квартиру проникал? Говори! — Они схватили меня за оба плеча.

— Нет, через «лазейку» в квартиру не проникал! — пытаюсь усмехнуться, выговорил я. — Но вот через квартиру в «лазейку» пытался проникнуть.

— А! — Отец отмахнулся от моих слов, как от бессмысленной болтовни. — Надо квартироуполномоченного вызвать да заколотить лазейку эту, да запечатать! Чтоб никому nepовaдно было ходом этим пользоваться!

— Так там же... Гага! — выговорил я. — Как же он вернётся?

— В дверь пусть позвонит, как все люди! — сказала мамаша. — А лазейками только воры пользуются... с которыми он, видно, и связался! — Она почему-то злобно глядела на меня.

Дальше спорить с ними было бесполезно.

— Так что в школе сказать — где Смирнов? — спросил я.

— Скажи — из дома убежал, вот где! — выкрикнул отец.

— А можно мне посмотреть, куда ход из комнаты кочегара ведёт? — спросил я, совершенно уже не надеясь на разрешение.

— Нет уж — про лазейку эту забудь! — проговорила Гагина мать. — Сегодня же заколотим её — да так, что никакому взломщику будет не пройти.

— И тем более — вашему сыну! — со слезами на глазах выкрикнул я и вышел из комнаты. Сначала я автоматически пошёл к выходу из квартиры, но потом вдруг остановился и бесшумно, на цыпочках, пошёл по коридору к комнате кочегара.

Я вошёл туда и остановился перед распахнутой дверью в тёмную комнату. «Так. Кое-что понятно! — подумал я. — Не доказано ещё — имеется ли в тёмной комнате выход в другие галактики, но что она тайной лестницей соединяется с подвалом — это теперь понятно. Так что Гага, вернее всего, не в другом измерении и не в другом времени пребывает, а просто заблудился в подвале. Тоже — не такая уж радостная мысль, но всё же лучше в подвале заблудиться, чем в Бесконечности!»

И я вошёл в тёмную комнату уже довольно бодро, долго и медленно ходил там, вытянув руки, нашаривая ногой путь перед собой, и вот — мне казалось, что я ушёл уже далеко, когда нога моя вдруг оступилась, голова встряхнулась, зубы лязгнули... Так... Действительно — углубление в полу. Сердце заколотилось: первая ступенька! Стоя на ней одной ногой, другой я нащупывал углубление ещё ниже — вторую ступеньку... Она оказалась немножко не там, где я ожидал, — лестница уходила вниз и закручивалась: была винтовой. Я спустился на вторую ступеньку, на третью. Сердце стучало в горле. Я спускался в сырость и в холод... в подвал или куда-то в новую неизвестность? Как я уже, кажется, говорил, время в темноте изменяется. Сколько я спускался по этой лестнице? Не знаю. Она оказалась очень долгой. Наконец я вступил на ровный — теперь уже каменный — пол. Ура! Лестница, хоть и невидимая, была!

Самая большая радость, когда что-то возникает вдруг в твоей голове, поначалу кажется дикостью, а потом вдруг подтверждается. Я теперь понимал, какое ликование испытывает учёный, когда — один на всём свете! — вдруг представляет что-то, а потом это что-то находит, именно такое, как представлял! Вроде бы я придумал эту лестницу из головы — и вот она, хоть и невидимая, обнаружилась в полной тьме.

Я шёл вперёд по коридору. Коридор этот, как я чувствовал по запаху, был уже знакомый, почти домашний, тот самый, что вёл от кочегарки к тёмному залу. Мне казалось, что я шёл быстро и небрежно, почти не протягивая руки вперёд — ну что может быть неприятного в этом коридоре, можно сказать, уже родном?

А вот и родная бездна: повеяло оттуда холодом, волосы зашевелились. Взял я фонарик в зубы, повис на руках, ногами вниз. Тогда-то мы хоть с верёвки прыгали — всё-таки не так высоко! Ну что ж: хочешь не хочешь, а прыгать надо! Я разжал пальцы — уже больно было висеть — и полетел вниз — волосы развевались! Сжался заранее от холода — приготовился плюхнуться в воду, но вместо того трахнулся вдруг ступнями о каменный пол. Весь скелет перетряхнуло.

«Да! — подумал я, когда мозги снова работать стали. — Что-то новенькое уже. Другая геологическая эпоха тут наступила — и я это открыл! Большой успех юного учёного!» — Я стал от радости хохотать, со всех сторон гулкое эхо пришло: значит, не бесконечный этот зал, имеет стены. Это ещё больше приободрило меня! Пошёл вперёд. Приятно: твердый камень под ногами, иногда блеснёт лужица в свете фонарика. Потом увидел перед собой круглую колонну, долго смотрел на неё,

потом понял: та самая труба, с крышкой-люком наверху, стоя на котором, мы от плавания отдыхали!

Дальше двинулся — пешком идти гораздо быстрее оказалось, чем плыть, — вот и стена передо мной появилась. Поискал фонариком и нашёл: ступеньки, которые мы тогда в стене проделали, — вот же они: всё знакомое и родное!

Но где же Гага тут? Куда исчез?

— Гага! Иди сюда-а! — завопил.

Только эхо — и то далеко не сразу — ответило мне.

Куда же запропастился он? Тут вроде и заблудиться-то негде! Полез по рейкам наверх — всё привычно уже. Взобрался, передохнул.

Дальше коридор пошёл, слегка поднимающийся, тоже уже знакомый, со знакомым запахом: холодом пахнет, запустением, пылью. И, как и помнил я, за поворотом свет показался: тёмный прямоугольник, обведённый лучистой щелью... дверь! Добежал до неё, толкнул — она со скрипом открылась. Всё как и в прошлый раз — даже неинтересно! Над дверью высокая крепостная стена нависает, впереди — узкая полоска песка, ивовые кусты у воды. Переплыл воду на плавающем столе — как тогда, когда мы с Гагой сюда пришли... Но где же он? Куда исчез?

Посмотрел я на «окна в землю» — старые оранже-реи, на фундамент старого дома, заросший цветами, — всё так же, как и тогда... Но где сейчас Гага — это загадка! Я пошёл дальше, поднялся на небольшую горку — и там трамвайные рельсы увидел: обыкновенный трамвай ходил, номер 11. И, дождавшись обыкновенного этого трамвая, я сел на него — и минут через двадцать входил уже во двор. Гагина мать смотрела в окно на

меня — и по её неподвижному лицу я узнал, что ничего не изменилось. Я пошёл к себе домой, в прихожей посмотрел в зеркало — и ахнул!

Вот, оказывается, почему все в трамвае смотрели на меня с таким изумлением. Поседел! Совершенно поседел!.. Потом я провёл ладошкой по голове — и поднялось облачко... штукатурка! Вот оно что. «Но где же Гага? — снова подумал я. — Неужели всё-таки существует чёрная дыра и Гага попал через неё в другую галактику или в другое время? Может быть, он стоит сейчас в нашем дворе — но в другом совсем времени?» Это, видно, была последняя моя мысль перед сном, потому что сон был продолжением. Я снова увидел себя в подвальном коридоре, у лестницы, поднимающейся в тёмную комнату. Я нерешительно постоял возле этой лестницы, поднимающейся в темноту, и наступил на первую ступеньку, потом на вторую. Пламя свечи, которую я держал почему-то в руке, колыхнулось и пригнулось ко мне. Я заслонил свечу рукой — рука стала красная, почти прозрачная — и пошёл выше. Было очень страшно, но слегка успокаивала мысль, что это всё-таки сон, и в крайнем случае можно проснуться!

Ступеньки шли всё выше, и вдруг голова моя оказалась в комнате, ярко освещённой луной. Вот она, наконец-то, эта комната, наконец-то я ясно её вижу — хотя и во сне. Я поднялся, сделал по комнате шаг, и тут снова, как и в первый раз, что-то мелькнуло в моём сознании: погасло и тут же торопливо снова зажглось — словно приговаривая: ничего! Ничего! Ничего не было — всё в порядке!

Так бывает иногда в деревенских кинотеатрах, когда кончается одна часть фильма и механик не успевает

быстро и незаметно включить другую. Но вот идёт следующая часть, но что-то изменилось. Я поглядел на небо и вздрогнул — луна на небе была другой! Когда я только вошёл сюда, она была обращена серпом вправо — как дужка в букве Р, что означало (я прочёл об этом в одном журнале), что луна увеличивается, растёт, приближается к полнолунию. Сейчас — стоило мне сделать шаг в тёмной комнате — серп луны был уже направлен влево, как у буквы С — луна сходит. Я сделал шаг назад — и полукруг луны прыгнул вправо, как флюгер, сделал шаг вперёд — и полукруг луны скакнул влево. Так вот то место, где время меняется скачком. Интересно — на сколько оно меняется?

На месяц — раз поворачивается месяц на небе в другую сторону? Или — на сколько? Я несколько раз шагнул вперёд-назад — серп луны «мигал» туда-сюда. Наконец я решительно шагнул вперёд и подошёл к окну. Пейзаж за окном был абсолютно мне незнаком! Стены, замыкающей наш маленький уютный двор, сейчас не было — ровное поле, заросшее травой, шло до горизонта. На горизонте через равные промежутки стояли вертикальные высокие сооружения, покрытые чем-то блестящим, но без окон. С колотящимся сердцем я подошёл к окну. Я постоял у стекла, потом толкнул двумя руками две половины — и окно со скрипом открылось. Дышать, к счастью, было можно — значит, воздух в то время (через сто лет? через тысячу?) будет таким же. Уже хорошо! Я посмотрел, высунувшись из окна вниз, во двор, — трава была высокая и нигде не помятая: давно уже никто не проходил по нашему двору! Что же произошло? Под самым окном была привинчена каменная доска, и какие-то буквы, наполовину стёршиеся, были

на ней. Свесив голову, я стал разбирать надписи на этой доске. Но вниз головой читать буквы было трудно — кровь прилила к глазам. Зачем нужны такие подробности во сне — не понимаю!

«В этом доме жил...»

Сердце у меня снова заколотилось. Кто же, интересно, успел после нас в этом доме пожить? И такое печальное, если вдуматься, слово «жил».

«В этом доме жил и работал...»

Как это он работал, не выходя из дома?

«В этом доме жил и работал великий... учёный...»

Ого!

«В этом доме жил и работал великий учёный Мосолов».

Это же я, великий учёный, жил и работал здесь! Я наклонился ещё ниже, почти вывалился из окна:

«1970 — ...»

Изо всех сил, резко, я рванулся назад, чтобы не видеть второй цифры, за тире. Но всё-таки я успел увидеть её! В ту же секунду я оказался у себя в комнате, сидел на тахте, вытирая с лица и шеи пот. Ну и сон! Замечательно. Спасибо. Мало кому удаётся заранее увидеть свою вторую цифру — а мне удалось. Спасибо тёмной комнате за это. Благодарю!

...Я нервно ходил по квартире, время от времени пытаюсь успокоиться, говоря: «Ну это же так! Ерундиссима! Сон!» Но тут же волнение снова находило на меня: «Ничего себе — сон!»

Чтобы как-то всё-таки успокоиться, я огляделся, тихо прикрыв дверь, спустился во двор. Я ходил по двору из угла в угол — как приятно всё-таки видеть его хоть и в неказистом виде, но в привычном. И никакой доски, к счастью, на нём не висит, и никакой великий учёный, к

счастью, не проживает! Иногда я поглядывал, отрывисто и невнимательно — страшно было внимательно глядеть — на окно тёмной комнаты. Но сейчас оно ничем не выделялось — тёмными комнатами сейчас были все.

Потом я глянул, быстро отдёрнул голову: «Нет-нет. Ничего не видал. Ничего!» — потом, не сдержавшись, снова поднял глаза: за стеклом тёмной комнаты горел огонёк — разгорелся, покачался, потом согнулся набок и погас. Та-ак! Замечательно. Новые дела! Значит, успокоительные мои мысли насчёт того, что, мол, самая обыкновенная комната, ничего таинственного в ней не происходит, снова рухнули. Лезть туда снизу, через подвал? Нет уж, увольте!

Я вошёл на Гагину лестницу, поднялся на чердак, с чердака на крышу. Наша верёвка была обмотана вокруг трубы, намокла, загрязнилась. Когда я её нервно сжал в кулаке, тёмная вода потекла по запястью. Я обвязал верёвку вокруг живота, затянул так, что не вздохнуть. Всю длину верёвки намотал между локтем и кулаком (никто сейчас меня не страховал — Гаги ведь не было). Сначала я встал на краю крыши на колени, потом, держа верёвку натянутой, стал опускать ноги с крыши. Я повисел на вытянутой верёвке, потом смотал с локтя первый круг, упал на метр вниз, верёвка выдержала. Потом смотал с локтя ещё круг — и ещё приблизился к асфальту на метр (таких метров оставалось до асфальта слишком много). Когда я опускался вниз — вернее, падал на длину очередного мотка, в животе у меня то ли от страха, то ли от сотрясения громко булькало — наверно, весь дом должен был слышать это бульканье и в испуге проснуться. Я поднял лицо вверх, чтобы увидеть,

на много ли спустился? Несколько холодных капель шлёпнуло в лоб. Так — начался дождь, значит, железо на подоконнике будет мокрым — этого ещё не хватало. Как и в первый раз, я, болтаясь на верёвке, то раскачивался, то крутился волчком, и прекратить этот процесс было невозможно. Я оказался напротив окна четвёртого этажа. Кошка — та самая, чёрная с белой головой — сидела среди цветов и, не мигая, важно смотрела на меня. Потом усы её шевельнулись — она вроде бы усмехнулась. Её презрительный взгляд явно говорил: «Это днём вы думаете, что вы главные, но по ночам-то ясно, что главные — мы». Я, сматывая верёвку с локтя, как можно скорее опустил ниже. Я уже мог носком ботинка достать до подоконника тёмной комнаты, раскачавшись ещё сильнее, я встал на подоконник, уцепился за раму. Наконец-то я могу как следует заглянуть в тёмную комнату! Я начал пристально вглядываться в темноту — и в то же мгновение чьё-то белое, искажённое лицо прильнуло к стеклу изнутри! Не знаю, на сколько я потерял сознание, но когда я очнулся, верёвку я крепко держал, но зато раскачивался, как маятник. Я наступил наконец на подоконник тёмной комнаты, поскользнулся, и, падая вперёд, надавил ладонью на раму. Половинки окна разошлись, и я упал внутрь. И сразу же чьи-то руки крепко схватили меня. Я отключился.

Я очнулся, оттого что кто-то сильно меня тряс.

«Не буду открывать глаза. Ни за что не открою», — думал я. Но потом в движениях этих рук мне почудилось что-то знакомое. Я открыл глаза — надо мною стоял на коленях Гага.

— Ты? — радостно проговорил я.

— А кто же ещё может тут быть? — проговорил Гага хмуро. — Не знаешь, кто тут вход в мою квартиру замуровал? Вот, приходится теперь всю ночь здесь сидеть!

— Не знаю... ЖЭК, наверное, дверь заделал! — Сказать, что вход замуровали Гагины родители, я не решился.

Я был в тёмной комнате, но сейчас было как-то не до неё — я смотрел на Гагу.

— Ты где пропадал? В другой галактике?

— Да в общем-то повидал кое-что, — уклончиво проговорил Гага. Отвратительная привычка у него — уклончиво говорить! — И тут: возвращаюсь, можно сказать, подуставший — и какие-то умники замуровали меня! Не ты это догадался, случайно?

— Нет, — только ответил я. Не хотелось мне подробно рассказывать мои переживания — больно уж высокомерно он держался!

— Сейчас, я полагаю, не стоит дверь крушить — весь дом разбудим! — проговорил Гага.

— Я тоже так думаю, — холодно проговорил я.

— Тогда что же... глубокий сон? — предложил Гага.

— Пожалуй, — холодно сказал я. Мы улеглись прямо на полу.

— А я тут поседел из-за тебя... правда, временно, — не удержавшись, всё-таки проговорил я.

— Когда это? — недоверчиво проговорил Гага.

— Когда в подвале тебя искал: в кочегарке, в коридоре и большом зале.

— А! Так ты по старому маршруту только прошёл! — небрежно проговорил Гага.

Больше я ничего не говорил. Ну и тип! Бросаешься его искать, ничего не боишься, а он презрительно усме-

хается: не там, видите ли, его искали. С удовольствием покинул бы эту затхлую комнату, оставив неутомимого исследователя подвалов отдыхать в одиночестве! Мы задремали на полу, в разных углах. Даже если во сне наши ноги соприкасались — я тут же торопливо отдергивал свою ногу. Утомление последних дней всё же сказалось: мы крепко заснули. Когда я проснулся, было так же темно. Я поглядел на светящиеся часы — и волосы у меня на голове зашевелились: одиннадцать часов утра — а тут тьма! Видно, этот безумец прав — тут действительно другое время. Потом я услышал, как он просыпается — чмокает губами, вздыхает, — но разговаривать с ним я не стал. Хрустя суставами, Гага поднялся, пошёл по комнате, потом послышалось какое-то шуршанье, легкий звон — и в комнату хлынул ослепительно яркий свет!

— Что это? — проговорил я.

— Солнце! — насмешливо проговорил Гага.

— А... почему не было его?

— Шторы! — усмехнулся Гага.

На всё ещё дрожащих ногах я подошёл, потрогал шторы — никогда не видал таких — толстые, плотные, они словно специально были сделаны так, чтобы ни капли света не просачивалось в комнату.

— Да... интересно! — сказал я, ощупывая их. — Похоже... на толстое одеяло. Кому же так нужно было — чтобы свет сюда не проходил?

Гага пожал плечами.

— И всё-таки непонятно мне, — сказал я. — Кто эту комнату замуровал и зачем? Что-то, видно, плохое с ней связано! Странно только, что никто из живущих в доме не помнит ничего.

— Видно, что-то произошло... когда ещё другие люди тут жили, — сказал Гага.

— Думаю, надо эту комнату осмотреть. Что-то в ней не то!

Долго мы осматривали комнату: поднимали отставшие паркетины, заглядывали за отвисшие отсыревшие обои. Перелистывали ставший грязным календарь с верхним листком на нём: «12 марта 1942 года» — вот с какого времени, оказывается, никто тут не бывал! Часа приблизительно через два я догадался открыть чугунную дверцу кафельной печи в углу — на дверце была выпуклая надпись: «Череповъ и К°. Железные и кафельные печи». Из открытой дверцы на железный лист перед печкой посыпались осколки битого кирпича — вся «пасть» печи была почему-то набита осколками кирпича. Мы стали быстро выгребать кирпичные осколки — и увидели наклонно стоящий в печи шершавый ржавый цилиндр. Мы долго неподвижно смотрели на него.

— Бомба! — проговорил наконец Гага.

— Ну — молодцы вы! — сказал нам потом наш участковый милиционер (после того как бомбу из дымохода вытащили и все снова вернулись в дом). — Если бы вы не обнаружили её — могла бы рвануть: может, через сто лет, а может, через неделю.

— А может, и никогда! — проговорил Гага (он явно завидовал мне — ведь это я догадался осмотреть комнату).

— Ну, на это надеяться глупо! — строго сказал участковый. — Бомба — это вам не шуточки! Вы не видели, конечно, — а я повидал. По тысяче бомб в день на город падало, и только очень редкие не разрывались, как эта.

— А почему те жильцы не сообщили про неё? — спросил Гага.

— Этого мы не узнаем уже. Не успели, наверное. Быстро заперли дверь туда, мебелью задвинули, чтобы никто не мог войти, и быстро ушли. Так эта комната с той поры и простояла, с мрачной тайной своей.

— А почему она тёмная была? — спросил я. — Почему так надо было, чтоб ни один луч света в неё не проникал?

— Да наоборот всё! — усмехнулся участковый. — Делалось, чтобы из комнаты свет не выходил. Свето-маскировкой это называлось... От вражеских самолётов.

— Ясно теперь! — сказали мы вместе.

— В известном смысле ты прав, — говорил я Гаге, когда мы выходили во двор. — Действительно: в комнате этой в другое время попадаешь — примерно на сорок лет назад. Так что где-то ты прав.

— Ну, спасибо и на этом! — улыбнулся Гага.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС*

ГЛАВА 5

ТЁПлыми Звёздными Вечерами...

Но и дома в голове, будто в мельнице, мололась одна и та же мысль: рассказать — не рассказать? А если рассказывать, то что? Как бежал, чуть не испачкав штаны? Или об этом не упоминать? Достаточно пещеры с котёнком. А чувства?.. Их могло и не быть.

С неприятной тайной хотелось распрощаться тут же, немедленно. Кое-как покончив с алгеброй, мучившей его (или он её) последние полчаса, Олег накинул ветровку (по вечерам уже чувствовалась осень), крикнул в пространство, что погуляет часик-два, и выбежал во двор. Начинало темнеть. Звёзд почти не было. Только одна, но зато какая — Юпитер! Насчёт Юпитера можно было не сомневаться. Не так давно мама принесла домой карту звёздного неба.

— Это зачем? — спросил он.

— Считаю, любой образованный человек должен хоть немного ориентироваться в любых картах. И звёздных тоже, — ответила мама.

— А сама ты ориентируешься?

*Продолжение. Начало читайте в № 4 за 2019 г.

— В пределах школьного курса астрономии и ещё чуть-чуть. Но, тем не менее, кое-чему могу научить. И рассказать. Хочешь?

— Ну, хочу.

— Тогда бери папу, и пойдём.

Какой это был классный вечер! Часов до двенадцати они все вместе искали созвездия: Большую Медведицу с её ковшом, Малую Медведицу с Полярной звездой, Орла, Лебедя... Мама показала Олегу туманную полосу, прочерченную через весь небосвод, — Млечный Путь — ребро нашей Галактики. В нём миллиарды далёких звёзд, поэтому они и кажутся туманом. Обо всём этом Олег уже давно знал, но когда рассказывает мама!.. Потом они проверили своё зрение по маленькой звёздочке Алькор. Оказалось, что мама и Олег её очень хорошо видят, а папа — если только прищурится.

— Да, Васенька, в древнюю армию тебя не взяли бы! — сказала Ольга Петровна и похлопала Василия Николаевича по плечу.

— Почему? — удивился Олег.

— Потому что в древности этим способом определяли, годен или не годен мужчина к военной службе. Окулистов же тогда не было, как ещё остроту зрения проверить?! — совершенно не обидевшись, объяснил папа.

Тогда же Олег научился находить и Юпитер — самую большую планету нашей Солнечной системы.

— Мам, пап, как вы думаете, люди к звёздам скоро полетят? — спросил он, вглядываясь в космическую черноту.

— Не знаю, Олег. Хотелось бы побыстрее. — В голосе Ольги Петровны забили грустные нотки. — Узнать,

посмотреть... Но даже Солнышко к нам не близко. Свет около восьми минут летит.

— Всего лишь.

— Ничего себе «всего лишь»! — воскликнул папа. — Он же со скоростью триста тысяч километров в секунду летит! Прошла одна секунда — свет на триста тысяч километров отлетел. Помножь теперь эту скорость на восемь минут и на шестьдесят секунд. Сколько получится? Чуть меньше ста пятидесяти миллионов километров! Это до Солнца. А до ближайшей звезды... Как её, Оля, зовут?

— Проксима Центавра её зовут.

— Вот! До неё почти четыре года свету лететь. Если бы там где-нибудь рядышком твои друзья были, ты бы им по связи передал: «Привет! Как дела?» А через восемь лет — ответ: «Ничего. Нормально!»

— Мам, откуда ты всё это знаешь? Про небо, звёзды? В Интернете сидишь?

— Бывает... А вообще-то очень давно я хотела стать астрономом. — Олегу показалось, что голос у мамы погрузнел. — Но получилось по-другому. Зато я рада, что ты у меня не только под ноги смотришь, но и вверх тянешься.

Олег кивнул Юпитеру и побежал к дому, в котором жил Артём.

Скоро он услышал скрипку. «Маша играет!» — догадался Олег, перескочил через низенький заборчик и оказался в Машинном дворе. Около третьего подъезда на лавочке сидел Жора.

— Жор, привет, ты что, один здесь?

— Угу, — буркнул тот и посмотрел на Олега какими-то странными глазами.

— А тебе не скучно?

— Нет. Садись. — Он подвинулся, освобождая часть поломанной скамейки. Олег сел.

Неизвестная ему одноклассница Маша и вправду играла необыкновенно. Звук то взлетал куда-то к Юпитеру, то падал и, бархатный, мягкий, покрывал кожу зябкими пупырышками.

— Классно! Первое место займёт! — прошептал Олег. Он и представить не мог, что девчонка может так играть.

— Знаю. Только место — это не важно.

— Почему не важно? Столько заниматься — и не важно?

— Потому что она всё равно красиво играет. Без всяких там мест.

Олег сразу же согласился с этой, такой очевидной, истиной. Какая, действительно, разница? «Хорошая музыка из обезьяны делает человека, а плохая — из человека обезьяну», — вспомнил он папину шутку. А может быть, это была и не шутка?

Кто-то дёрнул его за рукав: Олег задумался и не заметил, как к скамейке подошёл Артём.

— Пошли, лунатик, — усмехнулся он.

— Как ты догадался, что я здесь?

— Догадался? Я знал: будешь идти ко мне, услышишь Синицыну и — всё! Застрянешь. Тут все, кто в первый раз, обязательно на звук идут. Помнишь сказку про крыс и дудочку? Как они за дудочкой шли, пока не утопились? Вы бы на себя с Жоркой со стороны посмотрели! Зомби! Рот открыт, глаза в тумане, голова — вверх и набок. Кстати, Жорка много музыки слушает. Даже классической. Специальный плеер выпросил, наушники, чтобы качество было хорошее. Если увлекаешься, можешь пообщаться. Он — спец.

— А чего сам учиться не пойдёт? Не хочет?

— Хочет. Только у них дома кто-то болеет и нужно, чтобы был покой.

— Плохо. Кстати, ты куда меня тащишь?

— К моему дому, на скамейку.

К счастью, на лавочке под шелковицей никого из местных не оказалось.

— Артём!, — осторожно начал Олег, когда друзья сели. — Помнишь, мы с тобой сегодня в пещере были... Ты через дорогу гору видел?

— Ну?

— Заметил большой камень, как бы кусок скалы? Там, за этой скалой, ещё одна пещера есть.

— И что?

— Когда я один был, ещё до нашего знакомства, видел у входа белого котёнка. Может, думаю, какая-нибудь кошка в пещере окотилась? А теперь мне кажется, что никаких котят там нет и не было, кроме того, который в пещеру полез.

— Почему?

— Потому что дворовые кошки всегда по подворотням прячутся. Поближе к людям и помойкам. К тому же, — Олег замялся, — ты только не смейся. Понимаешь, тот котёнок... Он, прежде чем в дыру шмыгнуть, несколько раз осмотрелся.

— В смысле?

— В смысле, как человек. По сторонам. Не ведут себя так котята, да и кошки тоже. Что я, кошек не знаю?

Мимо в подъезд прошёл кто-то из жильцов. Пришлось замолчать.

— Это со второго этажа. Сейчас уйдёт, — шепнул Артём. До ребят донёсся щелчок дверного замка. — Как ты думаешь, что всё это значит?

— Что всё? Белые кошки?

— И кошки, и генератор, и твой котёнок.

— Не знаю... Может, с кошками — случайно. В смысле, что они все белые. А может у нас маньяк? Совсем чокнулся и белых кошек убивает?

Артём с сомнением покачал головой.

— Ты что городишь? Хочешь сказать, что псих сконструировал оружие, чтобы охотиться на белых кошек?

— Н-да! Действительно... Я про кошек думал, а про генератор забыл.

Мальчишки молча уставились — один на собственные кеды, второй, задрав голову, в небо. Каждый пытался найти своё объяснение странным и тревожным событиям. Что касается Олега, его мозги наполняла вата, в которой безвозвратно вязли любые порывы найти хоть какой-то правдоподобный ответ.

— А может, это инопланетянин из НЛО? — робко предположил Артём.

— НЛО — фантастика, — решительно возразил Олег. — У меня и папа, и мама так считают. Говорят, что раньше, когда техники не было, сочиняли сказки про чертей и баб ёг. А теперь перекинулись на инопланетян и фантастику. Из-за избытка творческого воображения.

— Ну, раз из-за воображения, раз НЛО — фантастика, тогда скажи-ка мне, Олежек, этот генератор — тоже «избыток творческого воображения»? Или как? — завёлся Артём.

— Ты чего кипишь?

— Не знаю. — Артём мгновенно остыл.

— Давай ещё думать. Всё равно отгадка существует, раз генератор есть. Например, вдруг он — секретная

разработка? А человек, на которого ты в тумане наткнулся, — иностранный шпион.

Артём покачал головой, ехидно прогнусавил:

— Вот-вот! Его прислали на подводной лодке из Америки. В Крым. Чтобы он уничтожил всех белых кошек, потому что эти ужасные стратегические кошки являются страшным тайным оружием нашего государства.

— Да, не получается...

— Вот именно! Как ни крути, ничего не получается.

— Кстати, насчёт стратегических кошек. Учат же собак, дельфинов. Вдруг и кошек тоже?

— Собаки и дельфины людей любят.

— И кошки любят.

— Любят, только они и себя не забывают, а собаки или дельфины ради человека могут всё!

Сзади, в кустах, хрустнула ветка. Ребята резко развернулись, и Олегу показалось, что кто-то метнулся за угол дома.

— Артём, ты что разорался! — прошипел он, наклонившись к самому Артёмову уху. — А если кто-то подслушает?!

— Пошли отсюда. Где-нибудь подальше от кустов поболтаем, — махнул рукой Артём, и ребята направились к более пустому двору недозаселённого дома Олега.

Ещё на подходе они услышали, а потом и увидели Ольгу Петровну. Она стояла на балконе, нетерпеливо постукивая кулаком по перилам. «Не первый раз зовёт», — догадался Олег.

— Мам, я сейчас!

— Не «сей час», а сей секунд! — передразнила его мама. — Это я тебя час выкрикиваю. Быстро домой!

— Да иду, иду! Засеки: пять минут — и я дома.

— Засаекаю. И ни минутой больше! — Ольга Петровна исчезла за занавесками. Олег осмотрелся: никто не подслушивал. Тем не менее он задышал другу прямо в ухо:

— Артём, а что, если генератор кто-то сам у себя дома изобрёл? Например, тот мужик, которого ты видел. Вдруг он физик или спец по оружию?! Изобрёл и теперь испытывает. Про дохлую рыбу не догадался, вот и бегаёт за кошками? Фу, чёрт! Почему же тогда кошки белые? Физик-маньяк? Это уже слишком. Опять ничего не складывается.

— Иди домой. — Артём выразительно постучал по циферблату своих наручных часов. Их ему недавно подарила ялтинская тётка. Часы были навороченные, с хорошим Интернетом. — Сам сказал, что через пять минут придёшь, а уже шесть прошло. Завтра зайду?

ГЛАВА 6

ВАСИЛИСА

Перешагивая через две ступеньки, Олег добрался до второго этажа. Лампочка на площадке не горела. Тычась, как слепой, он пошарил руками по стене. Предстояло нащупать звонок, который, судя по папиному обещанию, уже должен торчать маленькой пимпочкой где-нибудь рядом с дверью. Однако звонок всё не попадался. Олег приготовился стучать, когда его левая нога коснулась чего-то мягкого и тёплого. Последние события сделали своё дело. Он вздрогнул, отскочил и, мгновенно покрывшись потом, попятился обратно к лестнице. Но неожиданно дверь его квартиры распахнулась, на пороге возникла Ольга Петровна.

— Сынок, ты чего такой зашуганный? Иди домой. Смотри-ка, — добавила она, — дом новый, а лампочки уже не горят.

— Мам, там за дверью кто-то сидит, — ватными губами прошамкал Олег.

— Кто ж там может сидеть?! — Ольга Петровна взяла с полочки для обуви карманный фонарик, посветила в угол. — Ой, какой хорошенький! — и выволокла за шкурку средних размеров котёнка. Олег зажмурился — котёнок был чисто-белым. И ему явно не нравилось висеть между полом и потолком. Ольга Петровна наконец-то сообразила, что зверёныш не слишком доволен своим положением, подхватила его под передние лапки, прижала к груди.

— Прости, прости! — улыбнулась, внесла котёнка в квартиру. Олег нерешительно двинулся за ней.

— Вася, посмотри какой кисюк!

Василий Николаевич выглянул в коридор.

— Симпатяга. И что вы с ним собираетесь делать?

— Сначала покормим, правильно, Олег? — Не дожидаясь ответа, Ольга Петровна потащила котёнка на кухню.

— Сын, твоя мама как маленькая. Пока ты не родился, мы всех бродячих кошек подбирали. Вот, опять началось.

— Не наговаривай! И не всех я кошек подбирала, а только двух. Мурку, которую машина стукнула, — так мы её как вылечили, так сразу и отпустили. А кота нам подарили твои же, между прочим, друзья.

— А где этот кот теперь? — спросил Олег.

— Ты на даче был? Тишку знаешь? Вот! Когда ты родился, мы с мамой его на дачу отнесли. Там крыс полно, мышей. А он крысолов.

Олег вспомнил жирного рыжего кошака с огромным, ненормально отросшим правым клыком, который почти под прямым углом торчал изо рта. Папа называл это чудовище саблезубым котом.

— Посмотрите-ка, не голодный! — удивилась мама, в очередной раз пытаясь засунуть усатую мордашку в миску с молоком. — Не ест.

— Домашний. Потерялся, — предположил папа. — А ну, дай-ка я тебя рассмотрю, бедолага! Во-первых, это кошка, — доложил он через секунду. — Блох нет. Уши чистые. Точно, домашняя. Недавно потерялась. Или выгнали. Неделю бы на улице... — Он махнул рукой.

На этот раз кошка вполне лояльно отнеслась к перевертываниям и разглядываниям.

— Теперь проверим, не глухая ли, — сказал Василий Николаевич. — А покажи-ка нам свои глазки, девочка! Та-ак! Зелёные. Должна слышать.

— А чтобы не слышать, какие должны быть? — заинтересовался Олег. Он до сих пор и не догадывался, что слух и цвет глаз могут иметь хоть какую-то связь.

— Голубые. Белые голубоглазые кошки обычно глухие, как... как, одним словом, на все сто.

Олег усмехнулся и подумал, что папа не меньше мамы возился с кошками. Иначе откуда бы взяться таким познаниям в кошководстве?

— Вась, давай оставим! — как маленькая, заканючила Ольга Петровна и заискивающе поглядела на мужа. — В новоселье кошки к счастью! А я тебе за это твоё любимое печенье испеку. А?

— Покупаешь, Оленька?

— Да что ты! Какие покупки. Это я так, из соображений целесообразности.

— Ладно уж, целесообразность ты моя! Про печенье не забудь. Знаю я тебя. Олег, а ты что помалкиваешь?

— Давай оставим. — Это прозвучало так неожиданно кисло, что у Василия Николаевича полезли вверх брови.

— Не понял! Где щенячий восторг? Прыжки выше крыши? Ты, часом, не болен?

— Вась, отстань от ребёнка. Новая школа, новые друзья. Какой восторг? Он же как выжатый лимон!

Кошку опустили на пол.

— Сын, придумывай подопечной имя! — скомандовал папа.

— Ну... — Олег уставился в потолок, пытаюсь изречь что-нибудь приемлемое. С названиями у него всегда было туго. Мурка? Дурь какая! Ксюша — так у Игорька кошку звали. Матильда? Луиза? Бррр! Ну, как? Как назвать? Вдруг — Олегу показалось, что его собственная голова в этом процессе даже и не участвовала, — он выпалил: — Вилисса!

— Что-что? — переспросила Ольга Петровна. — Василиса? Подходяще! Вась, тебе нравится? Почти в твою честь. Вася — Василиса.

— Нормально. Народно-сказочное. Только, пожалуйста, моё отцовство данному животному не приписывай.

Олег хотел возразить, что было сказано не «Василиса», а «Вилисса». Но потом подумал: Василиса — это понятно, а Вилисса? В самом деле, откуда взялась эта кличка?! Скорее всего, он и собирался сказать «Василиса», а получилось «Вилисса».

— Только не забывай мою премудрую тёзку на улицу периодически выпускать. А то она нам столько намудрит! Терпеть не могу всякие тазики с песочком.

— Угу, понял! — Олег втоптал кошку в свою комнату. — Ну, кошачка, располагайся. Теперь это твой дом.

Дом её заинтересовал, похоже, исключительно наличием в нём компьютера. Однако Олег, придавленный кучей загадок и несуразиц, свалившихся на него за день, был способен лишь усмехнуться, когда Василиса задумчиво тронула мягкой лапой мышку, а затем, удостоив беглого взгляда процессор и монитор, надолго уткнулась в клавиатуру.

«Эх, сфоткать бы! Готовое призовое фото в телепрограмму. Или на Ютуб выложить. И назвать „Кошки-мышки”». Олег присел на диван, крепко стиснув ладонями щёки. «И чего это я испугался? Подумаешь, белая кошка! Мало ли их по помойкам шастает? Ну какая от неё угроза? Это же маньяк кошек убивает, а не кошки маньяка! Что-то мы с Артёмом перемудрили».

Олег вскочил, сгрёб со стола Василису, на секунду прижался щекой к её тёплой морде и, подойдя к креслу, разжал руки. Кошка мягко упала на четыре лапы и громко недовольно фыркнула.

— Мурыска-Василиска, спать будешь здесь. Надеюсь, кресла тебе хватит. Не царевна какая-нибудь!

Судя по всему, кошка не возражала. Олег кивнул, стянул джинсы, футболку, забрался под одеяло и мгновенно уснул.

Он шёл, цепляя плечами шершавые щербатые стены. Далеко впереди маячило белое пятно. Появится — исчезнет. Снова появится. Интересно, кто это там дразнится? Стой! Да стой же! Он пошёл быстрее, побежал. Стены, словно издеваясь, сразу же ощутимо сомкнулись. Вот ещё! Он упёрся плечами в холодный камень. Дёр-

нулся. Стены отступили — просто разошлись и растаяли. Теперь он бежал по светлому коридору. В ушах противно зудело. Комар? Олег отмахнулся. Нет, не комар — сирена! Назойливая. Нудная. До боли в голове. До нытья в зубах. Впереди снова возникло и пропало белое. Скорее! Он оттолкнулся ногами от резиновой дорожки, взлетел. Ух, ты! Сразу же перехватило дыхание. Олег вытянул вперёд руки, распластался в воздухе. Ветер оказался упругим и плотным. А если разогнаться? Получилось! По бокам теперь неслась размытая полоса. Впереди — он смог, наконец, рассмотреть — бежала Василиса. Время от времени она оборачивалась и торопила:

— Скорее, скорее!

— Иду, — отозвался он, и в то же мгновение коридор закончился.

Олег влетел в огромный зал. От развернувшегося пространства захватило дыхание. Матово-жёлтые, флуоресцирующие стены, высокий потолок, по центру зала, чуть на возвышении — стол. На столе, рядом с компьютером — Василиса.

— Кис-кис-кис! — позвал Олег. — Что ты здесь делаешь? Быстро домой!

— Глупости какие. Домой вместе пойдём. Давай сюда. И побыстрее, времени мало. Садись, смотри! — недовольно пробурчала Василиса и нетерпеливо хлестанула пару раз хвостом по столу.

Олег подлетел к компьютеру. Прямо из пола вспучилось кресло. Он рухнул на него сверху.

— Смотри, — Василиса кивнула на экран.

— Это что? Киношка? Игра?

— Нет-нет, не игра, не игра, не игра, — заладила Василиса, и её голос слился с сиреной.

На экране величественно, медленно, бликуя под Солнцем круглым боком, разворачивалась Земля. Он сразу же узнал её: обе Америки, Африку. Европа пошла. А где Крым? Ага, вот — совсем крошечный. Интересно, города можно на этом глобусе найти? Тут, например, что?

— Что-что? Париж! Географию знать надо! — Несмотря на укоризненность фразы, голос Василисы несколько потеплел. — Ты взгляд сфокусируй! Ну, всему учить надо. Как маленький! Сощурься и вглубь гляди.

Он смежил веки. В то же мгновение изображение расслоилось. Олегу показалось, что глаза приобрели управляемые одним лишь желанием линзы. Земля метнулась навстречу. Картинка поплыла, несколько раз качнулась и замерла — яркая, резкая. Прямо на него надвинулись две хохочущие девчонки — так бывает в стереокино! Олег от неожиданности вскрикнул и отпихнулся. Рука угодила той, что потолще, в мороженое. Девчонки, продолжая смеяться, прошли сквозь Олега.

— Тьфу ты! По головам ходят.

— Догадайся масштаб изменить, умник, — подала голос Василиса.

— Будешь дразниться — за хвост дёрну, — добродушно огрызнулся Олег, одновременно пытаюсь отдалиться, как ему и посоветовали, от идущих сквозь него прохожих.

В этот момент с экраном что-то произошло. Что-то нехорошее, тревожное.

— Смотри! Будь внимателен! — Из голоса Василисы исчезли насмешливые нотки. Он стал громким и резким. И Олег сообразил, что сирена, на которую он перестал обращать внимание, так ни на секунду и не умолкала.

Василиса взлетела и, зависнув где-то около самого уха, продолжила вопить:

— Будь внимателен. Смотри, будь внимателен!

— Бу-ду, — напряжённо, нараспев протянул Олег, уже захваченный тем, что происходило на экране. — О! Ничего себе!

В центре экрана сформировалось и поползло к краям рваное чёрное пятно. Оно росло, поглощая новые и новые участки планеты. Пришёл страх. За ним — отвращение. Каким-то шестым, десятым, сто десятым чувством Олег понял, что если этот мрак накроет всю Землю, произойдёт нечто ужасное, непоправимое.

— Это не игра, не игра, не игра... — надрывалась вместе с сиреной Василиса. Но Олег и сам уже поверил, что это — не игра. Предательски задрожали руки. Он метнулся взглядом по клавиатуре: где-то должна быть клавиша «Delete». Пометить и вышвырнуть этот мрак! Скорее! Но клавиатура оказалась совершенно незнакомой, чужой. Олег попробовал читать надписи. Бесполезно! Языка он не знал.

— Что же делать? Что?! — крикнул он, вскочил и встретился взглядом с Василисой.

— Ты знаешь!

— Нет! Я ничего не могу!

— Можешь. Знаешь и можешь, — уже другим, каким-то особенно спокойным тоном заявила кошка.

Олег зажмурился, протянул руку к экрану. Ладонь, не встречая сопротивления, пошла внутрь. Внезапно он успокоился. Совершенно. И понял, что от него требуется. Схватился за край чёрного пятна и с силой рванул его наружу, из экрана. Пятно липко, смолисто потянулось за пальцами. Рука начала неметь, терять чувствительность, холодеть. Холод постепенно обволок всё тело, добрался до головы, в глазах помутнело. Собрав все свои

силы, Олег рванулся и... И резко сел в кровати. Темно. Лёгкий сквознячок шевелит занавеску. Громко тикают часы. По стене пробежали светлые полосы от фар проехавшего по двору автомобиля. Олег зажёл бра, посмотрел на часы. Надо же, оказывается, спал не больше часа. Наверное, и родители только что легли. Василиса, свернувшись клубочком, одним глазом следила за его перемещениями.

— Что, подглядываешь? Ну и сон мне приснился. Ты там тоже была. Летала вокруг меня, как муха, разговаривала и вела себя довольно нагло.

Олег полежал, вспоминая подробности. Потом уснул, незаметно для себя, крепко, без сновидений. Он не видел, как ушли на работу родители, как соскочила с кресла Василиса, прошествовала на кухню и с аппетитом прикончила один из двух бутербродов с ветчиной, оставленных на столе. Как она решительно направилась к дивану, тронула лапой свесившуюся Олегову руку. Он что-то пробурчал, но глаз не открыл. Василиса раздражённо дёрнула хвостом, прицелилась и тяпнула зубами дёргавшийся во сне мизинец. Олег взвился, очумело уставился на вовремя отскочившую кошку.

— Ты что, чокнулась?

Но тут его взгляд упал на часы, и он завопил ещё громче:

— Всё, Василиса, опаздываем!

В одном тапочке, на ходу застегивая рубашку, Олег влетел на кухню, давясь, проглотил оставшийся после Василисиного завтрака бутерброд. Облился остывшим чаем, наскоро вытер лужу и наконец заметил нетронутую миску с молоком.

— Слушай, кошка, а ты почему ничего не ешь?

Василиса посмотрела на холодильник. Олег открыл дверцу. На полке стояла большая эмалированная кастрюля с борщом, рядом лежали какие-то пакетики и стояла трёхлитровая бутылка с абрикосовым компотом.

— Видишь, Василиса, для тебя ничего нет. Пей молоко. Кошка уставилась на бутылку. Олег засмеялся:

— Кошки этого не едят.

Однако Василиса, судя по всему, хотела именно компота. Встав на задние лапы, она ткнулась носом в банку. Убедившись, что до Олега не дошло, зашипела и цапнула его когтями.

«Бред какой-то», — пробормотал он, лизнул царапину и, вылив молоко, налил в миску компот. Получилось не ахти как аппетитно, миску не мешало бы помыть. Но возиться с кошачьей посудой было некогда. Вспомнил, вытащил из ранца кекс, который купил накануне в школьной столовке. Василиса требовательно зарычала. Олег пожал плечами, отломил кусочек. Потом ещё.

— Интересно. Компот и кекс. Ваше величество, бананы? Апельсины? Ананасы? Эти, как их, марципаны?

Сунул миску под кошачий нос. Ткнул упирающуюся Василису в подбеленную молоком жижу и побежал собирать ранец. Из кухни послышалось чавканье. Почти сразу же раздался звонок: пришёл Артём.

— Подожди, я сейчас. Проспал! — крикнул Олег и заскочил в ванную. — Заходи в комнату.

— Да ладно, я тут подожду. Ты только поживей! — Артём привалился к стене в прихожей. Из кухни, довольно облизываясь, вышла Василиса.

— Это ещё что?! — охнул Артём.

Из ванной выглянул Олег.

— Не дёргайся. Обычный котёнок. Наверное, потерялся. Я его вчера, когда мы с тобой расстались, около своей двери нашёл.

— А почему белый?

— Ну и что. Белый и белый. Кстати, это кошка. Что, нам теперь от всех белых кошек шарахаться?

— Нет, это я так, от неожиданности. Слушай! — Артём засмеялся. — Вот классно, все в черную кошку верят, ну, что если она дорогу перебежит, то несчастье произойдёт, а мы с тобой — в белую.

— Точно! Можешь поплевать через левое плечо. Тьфу-тьфу-тьфу три раза.

— Плюй через правое. От чёрных кошек помогает через левое, значит от белых должно наоборот — через правое.

Артём поднял Василису и погладил её по спине.

— Как назвал?

— Василисой.

— Премудрая, что ли?

— Премудрая, премудрая! Она, кстати, всё с первого раза понимает. А ещё, представляешь, компот абрикосовый трескает!

— Мы прошлым летом с родителями под Калугой у папиной тётки гостили. У неё в лесу деревянный домик, огород, куры живут. А ещё собака Шарик — почти овчарка, уши только подкачали, не стоят. И кошка Нюся. Шарик и Нюся вместе росли. Нюся зимой, когда холодно, даже спала иногда на спине у Шарика, а он её не гонял. Однажды она у него в конуре окотилась. Представляешь?! Тогда тоже холодно было. Так он с котятами жил. У нас фотка есть. Тётя на память подарила. Но самое

прикольное то, что и собака, и кошка больше всего любили есть сырую картошку и солёные огурцы.

— Сочиняешь!

— Нет, правда. Когда Шарик и Нюся были маленькими, заболели и передохли куры, мяса очень долго не было. Тёте пришлось кормить обоих тем, что было: хлебом, огурцами, кашей. Конуры тоже не было. Шарик жил в сарае, где картошка хранится. Так ему от каши голодно было. Он стал сырую картошку есть. И Нюся тоже.

— Наверное, у прежних Василисиных хозяев молока не было, поэтому она к компоту привыкла, — решил Олег. — Ладно, погнали в школу, совсем опаздываем.

— А кошка? Дома останется?

— На улицу выпустим. Папа сказал, чтобы с песком не возиться.

— Не убежит?

— Так она всё равно не наша была. Я не хотел бы, конечно, чтобы убежала. Но вдруг она у какого-нибудь старика жила? Или у малыша. Они, наверное, всю ночь не спали.

— Я однозначно не спал бы, — согласно кивнул Артём.

Василису вынесли в подъезд, захлопнули дверь и помчались в школу. До звонка оставалось несколько минут.

Продолжение читайте в следующем номере

ВОСЕМЬ КОТЯТ

ТРУДНЫЕ ИМЕНА

У котёнка Мурзика семь лучших друзей.

И у всех у них очень трудные имена.

Котят зовут так: Хлястик, Пушинка, Вакса, Снежок, Дымка, Боря и Тошка.

Сразу и не выговоришь!

Бывало, захочет Мурзик позвать рыжего Борю, а у него получается:

— Мяу!

Или окликнет по имени шустрюю Пушинку. И опять выходит:

— Мяу!

Просто беда!

Хотя, если подумать, это же очень удобно.

Стоит Мурзику негромко произнести своё:

— Мяу!

И со всех сторон немедленно сбегаются все его лучшие друзья:

— Мяу! Мяу!! Мяу!!! Ты нас звал, Мурзик?!

КОШАЧИЙ КОНЦЕРТ

Поздним вечером котёнок Мурзик выбрался на крышу и сразу же начал созывать друзей:

— Мяу! Мяу!! Мяу!!!

— Это что ещё за кошачий концерт?! — крикнули снизу.

— Ну, уж сразу и концерт... — смутился Мурзик. — А я ведь ещё и станцевать могу!

КОРАБЛИК

Во дворе, за гаражами, журчал весёлый весенний ручей.

Девочка Таня сложила из листа бумаги кораблик, опустила судёнышко на воду и помахала рукой:

— Ты плыви, плыви, мой кораблик! Плыви в дальние края!

Котёнок Хлястик бросился вслед за корабликом.

Он бежал рядом по берегу, высоко задрал хвост трубой, и мяукал:

— Мяу, мяу! Полундра! Свистать всех наверх!

Котёнок Дымка всё видел.

Он догнал Хлястика и на ходу спросил:

— Кем это ты себя вообразил? Уж не капитаном ли этого белого корабля?

— Ну, уж сразу и капитаном... — смущённо ответил Хлястик, но даже не притормозил. — Мяу, мяу! Полундра! Я простой матрос! Хочешь, прокачу тебя на моём корабле?

— Конечно, хочу!

Дымка всё время разговора бежал рядом с Хлястиком и косился на плывущий по ручью кораблик.

— Скажи, Хлястик, а другие матросы тебе не нужны?

— Ещё как нужны! — без раздумий ответил добрый Хлястик. — Только, чур, тогда уж я точно буду капитаном!

Дымок высоко задрал хвост трубой, а девочка Таня тем временем мастерила из тетрадного листа бумажный самолётик.

БАБОЧКА

На жёлтый цветок опустилась большая пёстрая бабочка.

Котёнок Хлястик устроил на эту бабочку настоящую охоту. Хлястик скрытно, на пузе подполз поближе к цветку. Потом замер, сжался, как пружина, и даже зажмурился, чтобы бабочка его не обнаружила раньше времени.

— Мяу!

Хлястик высоко подпрыгнул и... Пёстрая бабочка взмахнула крылышками и легко упорхнула почти из самых кошачьих лап!

— Мяу!

Всё это видел котёнок Мурзик.

— И зачем тебе была нужна эта бабочка? — спросил он Хлястика.

— Я хотел подарить её Пушинке, — вздохнул незадачливый охотник.

— А зачем бабочка Пушинке? — удивился Мурзик.

— Подарки получать всегда приятно, — объяснил Хлястик. — Просто я хотел сделать приятное...

— У тебя получилось! — успокоил Хлястика Мурзик. — Знаешь, как этой пёстрой бабочке должно быть приятно, что ты её не поймал!

ИМЯ И ФАМИЛИЯ

Во дворе встретились котёнок Тошка и щенок Проня. Малыши решили познакомиться.

— А я слышал, как тебя зовут — кис-кис-кис! — сказал умный щенок. — Твоё имя — Кис-кис-кис!

— Нет, — помотал в ответ головой котёнок. — Моё имя — Тошка! А Кис-кис-кис... Это наша фамилия!

КОШКИ-МЫШКИ

Котёнок Мурзик услышал, как в кладовке балуются мышата.

— Давайте играть вместе! — предложил Мурзик. — В «кошки-мышки», я научу!

— Маленький ещё! — решили мышата.

И не взяли котёнка Мурзика играть.

МОКРЫЙ КОТЁНОК

Котёнок Дымка увидел в луже своё отражение.

— А ещё говорят, кошки воды боятся! — удивился Дымка.

И дружелюбно помахал лапой:

— Привет, мокрый котёнок!

А сам подумал: «Как он туда попал? Его же заругают!»

Котёнок из лужи помахал Дымке в ответ.

— Хочешь поиграть вместе? — понял Дымка. И грустно вздохнул:

— Не могу... Я ведь плавать совсем не умею...

Котёнок из лужи низко опустил голову.

— Да ладно, только не обижайся! — попросил нового друга Дымка. — А ты сам ныряй сколько хочешь, я никому не проболтаюсь!

МОТЫЛЁК НА КОНЧИКЕ ХВОСТА

Котёнок Хлястик очень любил всё красивое.

Однажды он решил полюбоваться собственным хвостом.

Для этого Хлястик вышел на лужайку, повернул голову назад и задрал хвост трубой.

И почти сразу же на хвост котёнку опустился мотылёк!

— Ах! — сказал Хлястик. — С мотыльком мой хвост стал ещё красивее!

Давным-давно, ещё на прошлой неделе, Хлястик любил охотиться на бабочек и мотыльков. Правда, так никого и не поймал. Потому и забросил это занятие.

На лужайке прогуливалась большая собака Найда.

— Просто прелесть что такое! — сама себе сказала Найда. — Маленький пушистый котёнок с мотыльком на кончике хвоста!

Мимо по тропинке как раз проходила девочка Таня.

Она остановилась и всплеснула руками:

— Какое чудо! Зелёная лужайка, на лужайке большая грозная собака, а совсем рядом с ней пушистый котёнок с мотыльком на самом кончике хвоста!

Тут мотылёк взмахнул крылышками и улетел.

Девочка Таня вприпрыжку побежала дальше по своим делам, большая собака Найда широко зевнула и тоже побрела куда-то.

И только котёнок Хлястик остался на месте.

Ему вдруг сделалось очень грустно, и отчего-то любоваться собственным хвостом больше не хотелось.

ИМЯ

Белому пушистому котёнку дали замечательное имя — Снежок.

— А что это такое — снежок? — спросил однажды котёнок.

— Сейчас лето, потом наступит осень, а дальше придёт зима, — объяснили котёнку. — Летом часто бывает тёплый дождик... А наступят холода — и с неба посыплются белые пушистые хлопья, как бы зимний дождик! Вот это и есть снежок!

— Здорово! — обрадовался котёнок. — Значит, моё имя не только Снежок, но ещё и Дождик!

ЛУЖА

После короткого тёплого дождика на асфальте осталась лужа.

В луже теперь отражались голубое небо и кучерявые белые облака.

Котёнок Дымка разбежался и перепрыгнул лужу.

— Ух ты! — сказал котёнок Боря. — Ну, Дымка, ты даёшь! Я тоже так хочу!

Боря разбежался и вслед за Дымка перепрыгнул лужу.

Два счастливых котёнка уселись на берегу лужи и внимательно посмотрели друг на дружку.

— Даже дух захватило! — сказал Боря. — Смотришь вниз, а под тобой облака!

— Похоже, прыгнуть через лужу — это вообще самая большая радость на свете! — согласился с другом Дымка. — Давай передохнём — а потом ещё разок прыгнем!

Прямо над головами котят, громко чирикая, пролетела стайка воробьёв.

— Интересно, — спросил вдруг Дымка, — а птицы прыгают через лужи?

Боря задумался.

— Зачем им прыгать? — наконец ответил он. — Птицы летают. И очень высоко!

Добрый Дымка посмотрел на дождевую лужу.

— Не прыгают, значит, — сочувственно вздохнул он. — Что же получается, они так никогда и не узнают, какой бывает самая большая радость на свете?..

БУКВЫ

Котёнок Тошка спросил своего лучшего друга Борю:

— Бориска, а ты буквы знаешь?

— Нет, — честно признался Боря. — А для чего мне знать буквы?

— Ну, как для чего, — покачал головой Тошка. — Чтобы уметь читать!

— А зачем мне уметь читать по буквам? — ещё больше удивился Боря.

Тошка сочувственно вздохнул: какой же этот Боря непонятливый.

— Читать можно, к примеру, вывески над магазинами! — объяснил он. — Чтобы знать, где и что продают!

В ответ Боря гордо задрал пушистый хвост.

— Это я и так всегда прочитаю, без всяких там букв! — заявил он.

Боря потянул воздух носом и показал лапой на ближайшее крылечко.

— Вот здесь, к примеру, продают селёдку!

— Правильно прочитал! — согласился Тошка. — Я-то все буквы хорошо знаю! Здесь так и написано — «РЫБА». А вот там?

Котята подошли к соседнему крылечку. Боря опять принюхался.

— А здесь должно быть написано про мягкие белые булочки с изюмом, — сообщил он.

— Опять правильно, — согласился Тошка. — Читаешь ты хорошо! Так и написано: «ХЛЕБ»!

Тошка хитро прищурился, а затем попросил:

— А теперь прочти, пожалуйста, во-он ту надпись на двери!

Боря выгнул спину, принюхался, посопел:

— Не пойму, что здесь написано... Мелко очень...

— Здесь написано: «Котятам и кошкам вход запрещён», — прочитал Тошка.

Боря повернулся и пошёл прочь от магазинного крыльца:

— И нужно было тебе, Тоша, выучить столько букв, чтобы читать всякие глупости... — уже на ходу пробурчал он.

ЗВУК «М»

Вышли на прогулку котята Вакса, Тошка и Снежок.

— Мяу! — первой поздоровалась Вакса.

— Мур-мур! — ответил ей Тошка.

А Снежок застенчиво огляделся по сторонам и вдруг сказал:

— Ку-ку!

И ещё добавил:

— Гав-гав! Кукареку! Иа-иа!

— Вот это да! — изумилась Вакса. — Какой умный котёнок! Какой талантливый! Как много знает! Сколько разных интересных слов может сказать!

— Просто он ещё маленький, — объяснил Ваксе Тошка. — Мур-мяу, он звук «М» плохо выговаривает!

Малыш Снежок печально вздохнул и показал Тошке язык:

— Бе-е-е-е!

БАНТИК

На прогулку котёнок Пушинка вышла с пышным розовым бантом на шее.

— Это потому что я девочка, — объяснила Пушинка своему другу Тошке, хотя тот ни о чём не спрашивал. — А девочка должна быть красивой!

— Да ты, Пушинка, и без того очень красивая! — заспорил было котёнок Тошка.

И вдруг смутился.

— Но с бантиком ещё красивее! — закончил он.

ДОГОНЯЛКИ

Случайно повстречались котёнок Боря и серый мышонок.

— Будешь со мной играть? — спросил храбрый мышонок котёнка. — В кошки-мышки! Чур, я кошка!

— А я тогда — мышка! — обрадовался Боря.

И бросился наутёк:

— Не догонишь! Не догонишь!

КУЧА-МАЛА

Во дворе затеяли котята в пятнашки поиграть.

А получилась у них куча-мала!

— Поняли теперь? — радостно объявил запыхавшийся Мурзик, когда игра закончилась. — Теперь-то поняли?!

— Да, — закивали в ответ сразу и Хлястик, и Пушинка, и Вакса с Дымкой, и Боря с Тошкой, и даже малыш Снежок. — Конечно, поняли! А что поняли?

— Вместе мы — сила! — объяснил котятам Мурзик. — Когда мы вместе, если придётся, мы сможем дать достойный отпор даже самой большой собаке!

Тут к друзьям подошла грозная овчарка Найда.

— Чего это вы сгрудились в кучу, малышня? — спросила Найда. — Кого испугались? Если что, только мяукните, я вас в обиду не дам!

ШКОЛА

Девочка Таня уже почти целый месяц ходила в первый класс.

Однажды по дороге в школу за ней увязалась симпатичная чёрная кошечка.

— А я тебя узнала! Ты ведь Вакса, точно? — сказала кошке Таня.

— Мур-мур! — ответила Вакса.

Ветерок кружил над головой жёлтые и красные листья.

— Я иду в школу, — объяснила Ваксе Таня. — И ты тоже?

— Мур-мур, — подтвердила кошка.

— А зачем тебе в школу? — удивилась девочка. — Вот я хожу в первый класс, чтобы учиться! Хотя я и так уже все буквы знаю! И считать умею! Хотя бы даже до ста!

— Мур-мур! — гордо ответила Вакса.

Чёрная кошка хотела сказать «шур-шур», но уж получилось как получилось:

— Мур-мур!

Что на кошачьем языке всё равно означает:

«А зато на школьном дворе я научилась шуршать опавшими листьями, вот!»

СНЕЖОК

После дождливой осени наступила зима.

С раннего утра крупными хлопьями с неба повалил первый снег.

На прогулку вышел пушистый белый кот Снежок.

— Что это? — очень удивился Снежок.

Он поймал лапой большую снежинку.

— Такое белое, пушистое! И как на меня похоже!

И вдруг догадался:

— Мне же рассказывали! Это снежок!

ДВА ОТКРЫТИЯ

Солидный серый кот Мурзик неторопливо вышел на середину заснеженного двора и громко мяукнул:

— Мяу!

С разных сторон немедленно примчались все семеро его лучших друзей: Хлястик, Пушинка, Дымка, Вакса, Снежок, Боря и Тошка.

— Вот что я вам скажу, ребята... — начал было Мурзик. — Я сделал два очень важных открытия!

— Только два?! Всего-то?! — поднял хвост ершистый Боря.

— Только два! — покладисто согласился Мурзик. — Одно просто важное, а второе великое, как выяснилось...

Мурзик обвёл друзей взглядом и торжественно объявил:

— Наступила зима!..

— Тоже мне открытие! — фыркнул Хлястик.

— Да не тяни же! Это мы и сами знаем! — поторопила Мурзика чёрная, как уголь, Вакса. — Давай сразу второе, великое открытие!

— Пожалуйста! — согласился Мурзик. — Пришла зима, и значит, что... Это значит, мы уже не котята! Все мы с вами стали совсем большими и взрослыми!

ОЙ, НЕ ЗЕВАЙТЕ

Прихватив с собой Зевоту,
Сон выходит на охоту,
Из засады в нужный час
Отдаёт команду:
— Фас!
Нападение! И вот —
Мы растяяяягиваем рот!
А того, кто тааааак зевает,
Сон скорей одолевает!

УЧЁНЫЕ, ВНИМАНИЕ!

Опять меняется луна!
Учёные, внимание!
Сейчас находится она
В процессе убывания:
Поубывает пару дней
И обернётся месяцем!
Скажите, как тогда на ней
Лунатики поместятся?

УКРАШАЙТЕ РЫЖИХ КОШЕК!

Барсик терпит две недели,
Но терпенье на пределе:
— Все меня считают франтом,
Но ходить с девчачьим бантом?!
Нацепили украшение
На меня без разрешения,

Без примерки, в общем,наспех!
Цвет ужасный — крысам на смех!
Всякой всячиной в горошек
Украшайте рыжих кошек!
А для чёрного кота
Предостаточно хвоста!

ТАКАЯ ВОТ МЕЧТА

— Заснуть бы зимою, а летом проснуться,
Зелёной травинки легонько коснуться!
Под звон комаров покачаться бы мне
В лимонной кувшинке на синей волне,
Вспорхнуть бы с большим голубым мотыльком
Над нежно-лиловым душистым цветком —
О нём мне рассказывал дяденька Ветер... —
Вздохнула
Снежинка,
Мечтая
О лете...

НАДО БЫЛО ПОДОЖДАТЬ

— Что ты, шарик, так надут?
— Долго гости не идут!
Не успеют гости в срок —
У меня обвиснет бок!
Спинка запылится —
Как же тут не злиться?!..

И — «баабаххх» — от злости!
Тут как раз и гости.